Зиновьев

МЕЖДУНАРОДН. ПЕРСПЕКТИВЫ И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ Компартий

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН13
М391

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Г. ЗИНОВЬЕВ

EH131
M391 K-7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ КОМПАРТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЕН 131
М 391

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ КОМПАРТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ЕН13
М 391

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 526
БИБЛИОТЕКА

25 3709 с.1
сф
3518
1058062

Гиз № 9664. АП № 191. Главлит № 34908. Напеч. 10.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

Международные перспективы и большевизация компартий [1]).

I. Основные задачи нашей тактики.

Тактические проблемы наших дней сводятся к вопросу о сроках и путях мировой революции.

— Товарищи, мы знаем, что от марксизма, особенно от ленинизма, являющегося марксизмом наших дней, мы получили теорию мировой революции; она достаточно разработана и может служить руководящей нитью для всей работы Коммунистического Интернационала. Но есть две проблемы, разрешение которых не заключено в самой теории, так как разрешение этих проблем по самой сути дела возможно только на основе исторического *опыта*.

Дело идет о проблемах, являющихся в данное время центральным пунктом работы Коминтерна. Это, во-первых, вопрос *о темпе* пролетарской революции, *о быстроте ее развития*, вообще—об ее *сроках*. Это, во-вторых, вопрос о маршруте, о политической *географии* ее.

Мне кажется, товарищи, что к этим двум решающим вопросам могут быть сведены тактические проблемы недавнего времени, сегодняшнего дня и, вероятно, ближайшего будущего.

Что касается темпа, сроков развития пролетарской революции, то опыт не только Коминтерна, но и I Интернационала, и всей работы таких людей, как Маркс и Ленин, показывает нам, как трудно было обойтись в этой области без ошибок. На основании уже имеющегося у нас самих опыта мы убедились, с какой осторожностью следует относиться к вопросу о сроках мировой революции, как часто и легко, в силу понятной нетерпеливости революционера, можно

[1]) Доклад на расширенном пленуме ИККИ 25 марта 1925 г. Перевод с немецкой стенограммы.

ошибиться, определяя слишком поспешно сроки событий. Недаром именно в этой области ошибался не только Ленин, но и Маркс.

А теперь — вопрос о *маршруте* мировой пролетарской революции. Я думаю, что в этой области мы лишь теперь впервые познаем особенные трудности этой проблемы. Возьмем хотя бы социалистическую революцию в России: ведь, это было большой «неожиданностью» для многих марксистов, что именно в России совершилась социалистическая революция. Очень мало было людей, веривших в такую возможность, даже из числа сторонников левого крыла международного рабочего движения. После победы русской революции все мы сошлись на мысли, что следующая очередь будет за Германией, куда перенесется революция из России, чтобы затем уже обойти всю Европу. Только теперь, т.-е. через 10 лет после начала империалистической войны, спустя 6 лет после ее окончания и по прошествии почти 8 лет после революционного взрыва в России, после всех боев, наблюдавшихся нами за эти годы в Европе, — только теперь настойчиво выдвигается вопрос, правилен ли был этот взгляд на дальнейший маршрут пролетарской революции, как на *единственно возможный путь*, на *единственно возможное* географическое распространение мировой революции. Должна ли революция перебросится в Европу обязательно через Германию? Не могут ли здесь еще произойти у нас ошибки в оценке маршрута? Мне думается, товарищи, что нам нельзя в этом вопросе слишком цепляться за прежние воззрения, чтобы не повторить в большом масштабе того, что в малом размере совершил Брандлер, который желал начать германскую революцию во что бы то ни стало с Саксонии. Может случиться, что дальнейший маршрут будет лежать *не* непременно через Германию в первую очередь. Следует продумать и другие возможности.

Ленин о связи российской революции с международной.

На III конгрессе Коминтерна тов. Ленин высказал такой взгляд на международное положение и на связь российской революции с международной:

> «Когда мы (т.-е. русские. *Г. З.*) начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать

нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции, и что наш опыт послужит на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же или по крайней мере очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или в противном случае мы должны погибнуть.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали... Для нашей Российской Республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории». (Собр. соч. Ленина, том XIII, стр. 320—322).

Стало-быть, во-первых, еще в 1921 г. Ленин говорил о том, что в Европе устанавливается известное равновесие, и что исторический процесс идет зигзагами, а не по той прямой линии, в которую мы сначала все верили по наивности или скорее всего из-за недостатка исторического опыта, а во-вторых, «передышка» оказывается *более* длительной, чем можно было ожидать.

Итак, товарищи, нам нужно постоянно иметь в виду: вопросы о сроках и маршруте революции оказываются гораздо сложнее, чем все мы себе это раньше представляли. Марксизм, ленинизм дают нам бесконечно много, но и они не могут заменить того, что достигается только историческим опытом *самой* революции.

Линия V конгресса оправдала себя.

Со времени V конгресса прошло всего только 9 месяцев. За такой небольшой промежуток времени общее положение вещей не изменилось коренным образом. Однако, многое представляется нам более ясным, чем прежде, и поэтому задача расширенного пленума ИККИ заключается, по моему мнению, как-раз в том, чтобы обобщить уроки событий, ставших нам более понятными.

В первую голову нам необходимо, хотя бы в общих чертах, вновь обозреть современное состояние мировой политики и экономики. Мы должны это сделать для того, чтобы проверить правильность постановлений V конгресса и решить: если линия конгресса было верной, мы будем ее продолжать; если же она оказалась ошибочной, мы должны были бы выправить ее или даже полностью пересмотреть.

Скажу определенно, что намеченный V конгрессом курс, по-моему, оправдал себя самым блестящим образом.

Я хотел бы только напомнить здесь несколько существеннейших моментов из решений V конгресса: ход и исход «эры» демократического пацифизма, как это теперь ясно каждому, подтвердил все то, что сказал V конгресс; затем — оценка социал-демократии, как «третьей» партии буржуазии; далее — вопрос о международном единстве профессиональных союзов, крестьянский вопрос, оценка фашизма и т. д. Разве оценки V конгресса не подтверждены опытом?

События, разыгравшиеся во всех этих областях после V конгресса, блистательно подтвердили точку зрения Коминтерна. Те из наших «критиков», у которых хватило бы мужества быть добросовестными, должны были бы признать, что ошибались именно они, а никак не V конгресс.

II. Частичная стабилизация капиталистического хозяйства.

Нужна спокойная, большевистски-выдержанная, об'ективная оценка положения.

Теперь обратимся к *мировому экономическому положению.* За истекшие 8—9 месяцев оно существенно не изменилось. В рядах коммунистов и около них очень часто встречаются два типа воззрений: представителей одного течения можно назвать своего рода пророками каждоминутно «неминуемой» катастрофы катаклизма; почти ежеминутно они находят новые признаки «немедленного» крушения капитализма, затем, видя свою ошибку, впадают в противоположную крайность и начинают толковать о неправильности всей линии поведения. Представители второго «течения»—это люди, фаталистически уверовавшие в совершившуюся, якобы, на 100 проц. стабилизацию капитализма; по их мнению, эта стабилизация продвигается вперед чуть ли не на курьерских, — настолько они ослеплены некоторыми внешними сторонами приятной для них стабилизации. Коммунистический Интернационал не нуждается ни в тех, ни в других крайностях. Неправы ни пророки близкой катастрофы, ни фаталисты капиталистической стабилизации. Истина на стороне V конгресса, линия которого осталась непоколебимой.

Да, правда, буржуазия получила передышку. Теперь мы видим, что передышка для буржуазии оказалась длительнее, чем мы это предполагали, хотя с точки зрения исторических перспектив два-три

года или 5—10 лет—сущие пустяки. Верно, что экономическое положение буржуазии улучшилось в некоторых странах Европы и вне ее.

Во многих странах буржуазии удалось стабилизовать свою валюту. В Германии в настоящий момент в этой области не происходит того, свидетелями чему мы были в 1923 году — в период инфляции. И все же есть большие исключения и из этого правила. Назовем хотя бы Францию, Италию, Румынию и Японию, где валютный вопрос и по сей день имеет жгучий характер. В других странах буржуазии удалось все же восстановить валютное равновесие. Это, конечно, имеет большое значение для капитализма.

И вот мы видим, как наши «фанатики стабилизации» тотчас же начинают твердить: глядите-ка, у буржуазии в руках опять твердые деньги, валюта стабилизована, *следовательно*, линия Коммунистического Интернационала была неправильной, *следовательно*, капитализм восстановлен более или менее навеки. Подлинный же коммунист первым делом спрашивает, какими способами удалось буржуазии валюту стабилизовать, и за счет каких слоев населения это укрепление валюты произошло. Подлинный коммунист видит, что, скажем, в Германии и во Франции две трети налогового бремени свалены целиком на трудящихся, и что, следовательно, валюта стабилизована путем прямого выжимания пота из рабочего класса.

И все же марксист *должен* считаться с *фактом* стабилизации валют и проистекающим отсюда некоторым временным укреплением капиталистического строя.

На-ряду со стабилизацией — несомненные признаки неустойчивости положения.

Мы видим и некоторое восстановление международного кредита. Достаточно упомянуть, что за последний год одна только Северная Америка открыла кредит Европе, Азии и Южной Америке в размере 1¼ миллиарда долларов. Наблюдается тенденция восстановления международного кредита, установления мировых цен и вообще восстановления так-называемого единства мирового капиталистического хозяйства. Америка вышла из состояния финансовой самоизоляции. В отдельных странах наблюдается улучшение промышленной конъюнктуры. Все это—несомненные факты, и не Варга виною этому [1]). Европа уже несколько лет находится на положении войны. В неко-

[1]) Тов. Е. Варга занимался изучением экономического состояния капиталистических стран и в своих трудах описал наметившуюся кое-где временную стабилизацию капитализма.

торых странах капитализм частично оправился. Осенью 1924 г., как справедливо заметил Варга, впервые за много лет *одновременно* улучшилась кон'юнктура в наикрупнейших государствах, как-то: в Англии, С. Штатах, Франции, Германии, в то время как в других странах — Польше, Венгрии и прочих — продолжается экономический кризис.

Но сколь неустойчива обстановка, видно из фактов, происшедших в самое последнее время, за последние недели, когда мы вновь становимся свидетелями частичного ухудшения положения буржуазии. В С. Штатах наблюдаются первые симптомы нового понижения кон'юнктуры. В ряде отраслей промышленности наступает застой. Английская экономическая печать изобилует указаниями на значительную неустойчивость центрально-европейской стабилизации, которой пророчат недолгие дни. Во Франции впервые за последние 10 лет наблюдается сильная безработица. В прочих странах тоже заметен рост безработицы по сравнению с прошлым годом. Германия переживает тяжкий кризис угольной промышленности. Кризис в Польше, Австрии и Венгрии неизменно продолжается. Коротко говоря, налицо ряд симптомов, свидетельствующих о том, что стабилизация испытывает ряд серьезных колебаний.

Положение рабочего класса при капиталистической „стабилизации".

Нас, как авангард рабочего класса, должен интересовать в первую голову вопрос о том, каково же экономическое положение рабочего класса в период этой «счастливой» стабилизации. Безработица растет. В Англии число безработных достигает почти 2 миллионов, столько же их и в Америке, в Германии число безработных приближается к миллиону. Сильная безработица царит также в Италии, Чехо-Словакии, Польше и в других странах и, как я уже сказал, впервые за эти годы наблюдается во Франции. Падение реальной заработной платы стало неопровержимым фактом почти во всех европейских странах.

Мы знаем, что во всех почти странах война с ее последствиями вызвала вздорожание всех жизненных предметов. Эта дороговизна и бьет по рабочим, так как заработок пролетария не поспевает за ростом цен. В Англии прожиточный минимум в июле 1924 г. составлял 170 проц. довоенного, а в декабре того же года — 181 проц. Между тем, все официальные источники, не склонные в этих случаях преуменьшать, свидетельствуют о том, что заработок английского рабочего в эту же пору (июль — ноябрь 1924 года) снижался.

В период январь — июнь 1924 г. вся сумма выплаченной в Англии рабочим за неделю заработной платы составляла 560.900 фунтов стерлингов, в период же июль—ноябрь 1924 г. она снизилась до 518.350 фунтов. Таким образом, в карманах предпринимателей, кроме прежних прибылей, застревали еще 42.000 фунтов в неделю. А в этот период росли цены на все продукты.

Во Франции, в Париже, в июле 1924 г. прожиточный минимум исчисляется в 360 проц. довоенного уровня, в ноябре — в 396 проц. при отсутствии какого бы то ни было повышения заработной платы рабочего.

В Италии, во Флоренции, в июле 1924 г. прожиточный минимум составлял 533 проц. довоенного, а в ноябре—583 проц. Повышения заработной платы в этот период не было. Такая же картина наблюдается во всех странах Европы. А в Соединенных Штатах, в стране «капиталистического преуспеяния», прожиточный минимум в процентах довоенного времени равнялся в июне 171, в ноябре того же года—181, в январе 1925 г., по последним подсчетам,—около 185. Заплата за последнее полугодие в Соединенных Штатах не повышалась, за исключением ничтожного роста ее у железнодорожников, зато во многих случаях (особенно в текстильной промышленности) она снизилась от 10 до 15 проц. Всюду в Европе и даже в Америке реальная заработная плата падает. Исключение составляет только Россия, где заработная плата в нескольких отраслях промышленности уже начинает превышать довоенный уровень. Таково положение дел.

В Германии ярче всего сказывается сейчас так-называемая стабилизация. План Дауэса показывает здесь пока-что свою лицевую сторону. Но несомненно, что скоро в Германии обострятся противоречия на новой основе. Классовая борьба вновь закипит.

Мировой кредит восстанавливается, валюта крепнет, торговля растет. Но одновременно с этим начинается процесс, в империалистическую эпоху капитализма неизбежный: борьба за рынки сбыта. Она уже свирепствует. Не за горами то время, когда мы будем наблюдать обострение противоречий на новой основе. Нам не зачем замалчивать и затушевывать известную стабилизацию капитализма. Мы не нуждаемся в иллюзиях. Мы должны прямо говорить о том, что есть. Наступившая для буржуазии передышка — факт. И все же перед нами попрежнему стоит вопрос: нанесен ли капитализму мировой войной и первой большевистской революцией удар смертельный, удар тяжелый или лишь легкое ранение? Мы попрежнему держимся того мнения,—и факты служат этому подтверждением,—

что первая большевистская революция и мировая война нанесли капитализму тяжелый удар, и что «выздоровление» его есть явление временное, кажущееся. Но этому обстоятельству, наступающему временно «выздоровлению» капиталистического хозяйства, мы все же должны прямо смотреть в глаза.

III. Основные моменты современного политического положения.

В области мирового политического положения можно констатировать ряд изменений, особенно за истекшие 9 месяцев. Картина заметно изменилась даже с чисто-внешней стороны. В период V всемирного конгресса пацифистско-демократическая «эра» сияла еще в полном блеске. Но мы и в резолюциях V всемирного конгресса подчеркивали, что демократически-пацифистская «эра» есть лишь эпизод, лишь этап зигзагообразного пути истории. Теперь уже ясно, что мы были правы. При настоящем положении вещей больше всего нас, разумеется, интересует мировая политическая перспектива. На этом я позволю себе остановиться несколько подробнее. В мировом масштабе общая картина определяется следующими моментами, которые можно разбить на 12 пунктов:

1) Америка — Англия.
2) Япония.
3) Восточный вопрос.
4) СССР.
5) Англия.
6) Англия — Франция.
7) Германия.
8) Балканы.
9) Польша.
10) Италия.
11) Чехо-Словакия.
12) Скандинавия.

Англо-американское сотрудничество и его оценка.

Остановлюсь несколько подробнее на первом вопросе.

Взаимоотношения между Англией и Америкой являются до некоторой степени центральным пунктом нашей дискуссии. Вы, вероятно, помните, что несколько месяцев назад представители правого крыла Интернационала пытались истолковать сближение между

Англией и Америкой с чрезвычайными преувеличениями и делали выводы, которые в случае их правильности должны были бы заставить нас изменить всю нашу тактику. Характерной чертой оппортунизма с давних пор было то, что он видит все в лагере противника в розовом свете, в собственном же лагере, наоборот, все в черном. Это особенно ярко сказалось в оценке взаимоотношений Англии и Америки.

Тот факт, что Америка вновь повернулась лицом к Европе, имеет, разумеется, мировое значение. Никто в этом не сомневается. Сближение между ними есть факт мирового исторического значения, несмотря на его временный, преходящий характер. Утверждать же, как это делает тов. Троцкий, что Европа превращается в доминион Америки, значит сильно переоценивать вещи. Говорить, что Америка может посадить всю Европу на паек, значит недооценивать противоречия между Америкой и Европой и внутри самой Европы. Противоречия между Францией и Англией, несомненно, налицо. Если не учитывать противоречий между европейскими государствами, то можно впасть в ошибки, ставящие вверх ногами всю нашу политическую тактику.

В последнее время мы были свидетелями полемики по этому вопросу между Пеппером и Радеком. Мое мнение таково, что прав тов. Пеппер, а ни в коем случае не Радек. Мы отнюдь не отрицаем, что сближение между Америкой и Англией есть факт исторического значения. Но на-ряду с этим нельзя упускать из виду и того, что между империалистической Америкой и империалистической Англией существуют и даже обостряются противоречия.

В настоящее время мы имеем в Англии и Америке социально родственные друг-другу правительства. Между консервативным правительством Англии и нынешним правительством Америки существует социальное родство. О чем говорит это явление, если подходить к нему с точки зрения правильной оценки империалистических противоречий? К чему оно приводит в капиталистическом мире?

Равносильно ли социальное родство между двумя правительствами дружественному взаимоотношению между ними? Ни в коем случае. В начале войны, в 1914 г., в европейских странах бразды правления находились в руках правительств, тоже довольно родственных друг-другу в социальном отношении. И, однако, это родство не помешало им начать войну. То же и с Америкой — Англией. Империализм есть империализм. Борьба, конкуренция продол-

жаются. Этого рода противоречия не только имеются налицо, но и могут обостриться, несмотря на социальную родственность двух буржуазных правительств.

Англо-американские противоречия.

Действительно, сотрудничество Америки и Англии есть факт определенный. В Германии это отчетливо видно, здесь это сотрудничество временно сказалось в крупных практических последствиях для германского хозяйства. И все же противоречия между Англией и Америкой растут. Противоречия эти можно свести приблизительно к 10 пунктам, при чем каждый из них уже сам по себе достаточно убедительно показывает, что сближения между Америкой и Англией не следует преувеличивать. Эти 10 пунктов таковы:

1) Непосредственная борьба за мировую гегемонию. Мировым кредитором является сейчас не Англия, а Америка. Борьба между ними в этой области уже свирепствует и будет свирепствовать и дальше.

2) Канада.

3) Австралия.

4) Мексика.

5) Нефть.

6) Рынки сбыта.

7) Вопрос о вооружениях, открытое состязание в деле вооружения с целью господства над морями.

8) Задолженность.

9) Ввоз и вывоз сырья.

Даже в вопросе о плане Дауэса, где как-раз сказывается сближение, налицо и коренные противоречия между обоими государствами.

Как я уже сказал выше, каждого из этих 10 пунктов в отдельности достаточно, чтобы наглядно нам показать, что параллельно с процессом сближения идет процесс роста противоречий, характерный вообще для капитализма. Эту «мелочь» проглядели наши оппортунисты. Я остановлюсь на одном только примере, также характерном для взаимоотношений между Америкой и Англией. Я имею в виду Канаду. В 1913 г. капитал, вложенный в Канаду Англией, втрое превышал капитал, вложенный Америкой. В 1923 г. наблюдается в этом отношении полный перелом: американского капитала оказывается в Канаде по крайней мере столько же, сколько английского, а именно 2,5 миллиарда долларов. При этом надо отметить,

что способ вложения капиталов в Канаду Америкой отличается от способа вложения их Англией: Америка вкладывает свои капиталы непосредственно в канадские предприятия. Таким образом, Канада ускользает из рук англичан. Американизация Канады становится фактом. Вся культура Канады — американская. Счет ведется в Канаде не на фунты, а на доллары. Печать, кино, театр, железные дороги, одежда, — все здесь не английское, а американское. В Англии, как и в Америке, уже открыто поговаривают о возможности постепенного превращения Канады в новый северо-американский штат. В настоящее время Англия силится опереться на живущих в Канаде 2—3 миллиона французов, так как все находящиеся там англичане давно уже американизировались. Не так давно «Таймс» открыто говорил о возможности предстоящей утраты Канады.

Тенденции к распаду Британской империи обнаруживаются все яснее. Лондонский «Таймс» между 2 и 6 февраля текущего года поместил ряд статей под заглавием «Доминионы и внешняя политика». Впервые во всеуслышание руководящий орган британского империализма говорит о все более увеличивающейся опасности для существования единой Британской империи. При этом «Таймс» исходит из факта, что не удалось созвать общеимперскую конференцию для выяснения взгляда составных частей империи на женевский протокол: это произошло потому, что доминионы вообще относятся отрицательно ко всяким конференциям, в результате которых на них могли бы быть возложены новые обязанности, связанные с возможностью новой войны. Статьи «Таймса» вызвали величайший интерес во всем мире и целыми неделями воспроизводились во всех английских газетах. Вот несколько цитат из них:

«Важнейшею проблемою для Англии в послевоенный период является вопрос, каким образом шесть самоуправляющихся частей Англии, которые составляют в совокупности всю мощь империи, каким образом они могут притти к единой политике против враждебных Англии держав. Это — проблема величайшего значения, ибо она граничит с вопросом о конце существования самой империи. Если эти шесть единиц Британской империи не придут к соглашению в своей внешней политике, то превращение их в независимые друг от друга государства явится только вопросом времени. Они не могут решить вопрос иначе, как путем лишь ответа: мы должны согласиться на единую внешнюю политику, или же империя осуждена на распад».

И дальше:

«При нынешней обстановке всякая война или даже риск войны представят сильнейшую опасность для единства империи. Если парламенты отдельных частей империи сойдутся на едином отношении к угрозам международного положения, то все будет в порядке. А если между ними не будет согласия? Если Великобритания или какой-нибудь из ее доминионов вступят в конфликт с какой-либо могущественной державой, то единственным способом сопротивления других частей империи такой войне может явиться только их выход из имперского союза. Другого пути нет. Но война или риск войны гораздо ближе для нас всех, чем мы вообще это предполагаем».

А вот выдержка из новой статьи:

«Таким образом, империя стоит ныне перед длительною опасностью. С одной стороны, есть риск, что империя из-за отсутствия единства будет стремиться к колеблющейся внешней политике, которая, однако, станет угрожать ее безопасности и в то же время увеличит шансы на возможную войну. С другой стороны, есть риск распада империи в том случае, когда перед составными единицами ее встанет диллема: или примкнуть к войне, которую они, однако, не оправдывают, или уничтожить единство империи для того, чтобы избежать участия в войне».

Английская буржуазия чувствует, что доминионы ускользают из ее рук. Из всех десяти пунктов одного вопроса о Канаде уже достаточно, чтобы показать, что противоречия между Англией и Америкой все больше и больше обостряются. Вопрос о доминионах вообще приобретает все более и более острое и боевое значение.

Таким образом, констатировать сближение между Англией и Америкой значит рисовать лишь одну сторону дела. Другая сторона его состоит в одновременном росте противоречий, постепенно принимающих все более и более острый характер.

На-ряду с этим Америка стремится использовать противоречия, существующие между отдельными европейскими государствами. Все характерные признаки империализма, правильный учет которых лег в основу ленинской теории империализма, неизменно налицо и сейчас.

Япония накануне буржуазного переворота.

Японская действительность чревата буржуазным переворотом, что приобретает огромное значение в связи с восточным вопросом. Развивающееся в Японии движение кое в чем живо напоминает эпоху 1905 года в России. Демонстрации, общий рост крестьянского движения, рост террористического движения, — вы помните, вероятно, как молодой японский студент был недавно расстрелян за неудавшееся покушение на кронпринца, — все это характерно для японского движения. Но рабочий класс политически там пока слабее, чем он был в России в 1905 году. Численно он, может-быть, и не уступает тогдашнему русскому пролетариату, но политически слабее. И все же буржуазный переворот стучится в двери Японии. А такого рода переворот в нашу эпоху безусловно должен ускорить освободительное движение на Востоке и тем самым приблизить мировую пролетарскую революцию.

Восток и его значение для мировой революции.

В-третьих, *восточный вопрос*. Это особенно важный вопрос: восточная проблема созревает с такой быстротой, какой мы не могли себе раньше представить. В продолжение 9 месяцев, отделяющих нас от V конгресса, события на Востоке развиваются особенно быстро. Советские Республики в настоящее время имеют общую с Китаем линию фронта. Это — событие всемирно-исторического значения, его последствий еще невозможно и учесть. Рост партии Гоминдан, партии Сун-Ят-Сена, до известной степени нам сочувствующей, имеет для Коминтерна огромное значение. В Китае, Египте, Голландской Индии — всюду движение нарастает.

Мы прочли сегодня в «Правде» о разгоне парламента Заглул-паши в Египте, что внесет новые осложняющие моменты в англо-египетские отношения. Я хотел бы, товарищи, напомнить вам о том, что тов. Ленин почти перед самой смертью писал о Востоке. В статье «Лучше меньше, да лучше» он говорил:

> «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне

и безусловно обеспечена». (Собр. соч. В. И. Ленина, том XVIII, ч. 2-я, стр. 137).

Ленин в последнее время своей жизни больше всего прислушивался к Востоку. Он ясно видел, что с Востока идет большая резервная армия революции, и что революция, быть-может, изменит свой маршрут, придет через другие двери. В моем введении я имел в виду именно эту возможность. Восток сам по себе, без западного пролетариата, был бы бессилен. Лишь коммунистическое движение на Западе,—пусть оно еще не привело рабочий класс к победе,—придаст борьбе восточных народностей совершенно иной удельный вес.

Я хотел бы напомнить также о том, что тов. Ленин еще до войны говорил о восточном вопросе. Уже в 1911 году, после того, как в Китае вспыхнула революция, Ленин писал о *передовой* Азии и *отсталой* Европе. Тогда это противопоставление многим казалось весьма странным. Теперь все видят, что оно было пророческим. В известном смысле мы действительно имеем в настоящее время передовую Азию и отсталую Европу. Не надо забывать, что Восток охватывает 900 миллионов людей, — большинство населения земного шара. Не надо забывать все огромное значение того факта, что эта гигантская масса начинает приходить в движение.

Вспомним о том, какое глубокое влияние первая, вторая и третья русские революции оказали на развитие Востока. Если мы хотим получить общую картину мирового положения, мы должны направить наше внимание не только на Европу, но и на Восток.

Укрепление Советского Союза.

Следующий момент, характеризующий современное политическое положение, сводится к вопросу о хозяйственном возрождении *Союза Советских Социалистических Республик*. Как обстоит дело здесь? Что Союз усилился, что экономическое и политическое положение его укрепилось, видно всякому. В первую голову улучшилось хозяйственное положение, что для нас наиболее важно. Вы помните, как Ленин на IV конгрессе был счастлив, что мог сообщить нам: мы накопили уже 10 миллионов золота и, таким образом, можем двинуть восстановление металлической промышленности. Теперь 10 миллионов уже далеко не имеют для нас решающего значения. Вы помните, как кое-кто из друзей нашей оппозиции более или менее открыто заявлял во время V конгресса Коминтерна: подождите до осени, когда у «них» (т.-е. у правительства СССР) будет бюджет с дефицитом в 400 миллионов, и тогда

вы увидите, в какие тиски попадет ЦК. Но что же случилось? Я не выдаю государственной тайны, заявляя, что у нас не только нет минуса в 400 миллионов, а, напротив, есть порядочных размеров плюс. Если в 1923 г. 10 миллионов, которые дала нам внешняя торговля, считались важным достижением, то я полагаю, что плюс, о котором я упомянул, является еще более ярким показателем упрочения Советского Союза.

Далее. Ставки рабочих в Москве, Ленинграде и других городах уже за последние 3 месяца перегоняют в ряде отраслей довоенную зарплату. Это — новое доказательство в пользу того, что экономическое положение страны постепенно улучшается. Наиболее важным для нас политическим вопросом в настоящий момент является крестьянский вопрос. Речь идет об установлении еще более тесного союза с крестьянством, разумеется, при условии сохранения нашим правительством его социального содержания.

Как вы знаете, товарищи, наши враги постепенно примирились с положением вещей, что повлекло за собой ряд соглашений, признаний и т. д. Я не хочу этим сказать, что нам уже не грозит никакой опасности. Будет бешеная конкурентная борьба в области экономики. Чем крепче становится Советская республика, тем неизбежнее попытки со стороны мировой буржуазии перейти в прямое наступление против нас. Международный пролетариат должен отдавать себе в этом ясный отчет. Очень может быть, что наступит такое положение, когда именно наше усиление вынудит буржуазию строить наступательные планы против нас.

Если, таким образом, мы окинем взором мировую политическую конъюнктуру, то нас не должно сбивать с толку то обстоятельство, что между Англией и Америкой возникло сближение; мы должны не в меньшей степени учесть положение на Востоке и в Союзе наших республик, который тоже в значительной мере относится к Востоку, или, вернее, является мостом на Восток.

105803 Иркутск В. Ленина
СФ 3518

Положение в Англии революционизируется.

Теперь перейдем к следующему моменту — о положении в Англии. Здесь тоже можно отметить некоторые перемены. Предварительно замечу, что II Интернационал постепенно переносит центр своего внимания из Германии в Англию. Это — факт. С образованием первого так-называемого рабочего правительства, правительства Макдональда, центр тяжести II Интернационала передвинулся в Англию. Мне кажется, товарищи, что мы находимся в начале та-

кого периода, когда центр тяжести дальнейшего развития мировой революции тоже постепенно может начать передвигаться в Англию.

Опортунисты спросят: неужели же, по-вашему, крепкой, полнокровной консервативной Англии приходится бояться революции? Тот, кто смотрит на вещи поверхностно, гипнотизирован полнокровием английского капитализма. Но ученик Маркса и Энгельса не может не видеть, что мощь английской буржуазии в трех пунктах подвергается серьезной опасности. Первый пункт — доминионы. Всякий английский и американский капиталист в настоящее время знает, что доминионы постепенно ускользают из рук Англии. Второй — революционизирование рабочего движения и, наконец, третий — Восток.

Консервативное правительство уже не может быть сменено либеральным. В настоящий момент в Англии существуют лишь две крупных силы: консерваторы и Рабочая Партия. Если консерваторы будут вынуждены уступить место другой партии, то на смену им придет не либеральная, а Рабочая Партия. Поэтому положение английской рабочей партии имеет огромное значение. Постепенная трансформация Рабочей Партии является очевидным фактом. Не менее очевиден рост ее левого крыла. Эти моменты показывают, что полнокровная консервативная Англия стоит на вулкане. Положение в Англии не обнаруживает симптомов растущей стабилизации, а, наоборот, непрерывно революционизируется.

Противоречия между Англией и Францией.

Шестой пункт — *взаимоотношения между Англией и Францией.* И здесь имеются налицо противоречия. Идет борьба за господство в Европе. Оба государства в настоящее время находятся в известной зависимости от американского империализма, который стремится использовать их друг против друга, вызывая взаимные столкновения между ними и в то же время столкновения их с другими государствами. Во Франции положение ни в коем случае не стабилизовано. Правительство Эррио в политическом отношении себя изжило. Мимоходом говоря, мы уже в тезисах V мирового конгресса подчеркивали, что демократически-пацифистские правительства будут отчасти свергнуты буржуазией, отчасти же сами примут фашистский характер. Правительство Эррио являет нам классический пример внедрения элементов фашизма в буржуазное правительство, активно поддерживаемое социалистами. Чтобы продолжать свою

жизнь, оно отказывается от смысла и содержания всей своей жизни. Вырос численно французский пролетариат. Выросла его партия. Начинается работа в колониях и в крестьянстве.

Положение на Балканах.

Далее — *Балканы*. В некоторых балканских странах — в Румынии, Болгарии и Юго-Славии — на мой взгляд ,существуют три революционизирующих фактора: 1) крестьянское движение, 2) национальное движение и 3) рабочее движение. Взаимодействие этих трех факторов имеет чрезвычайно важное значение; именно это взаимодействие здесь налицо. Иногда нам возражают, что борьба идет слишком вяло, что контр-революция в этих странах усилилась. Однако, диалектика истории учит нас, что иногда именно в такой момент, когда контр-революция достигла, повидимому, своей кульминационной точки, оказывается, что революция близка; именно в такой момент контр-революция сменяется революцией. Что национальное движение, крестьянское движение и рабочее движение в этих странах носят массовый характер,—не подлежат никакому сомнению. Югославское правительство может аннулировать 60 или 80 крестьянских мандатов, и это, с «конституционной» точки зрения, будет казаться пустяком. Однако, такие вещи не проходят бесследно, и недовольство крестьянских масс лишь уходит вглубь. Поэтому мы, коммунисты, при оценке положения на Балканах не будет обманываться тем, что видим на поверхности. Внешне реакция как-будто всемогуща. На первый взгляд может казаться, что правительство уже справилось в Юго-Славии с движением Радича. Если же смотреть глубже, то необходимо признать, что и в балканских государствах положение остается шатким и ни в коем случае не походит на стабилизацию.

Германия и план Дауэса.

Перехожу к *Германии*. Здесь мы видим самые большие перемены. Тактика нашей партии по отношению к плану Дауэса была правильна. Интернационал одобряет эту тактику, — хотя с самого начала было ясно, что даже при правильной тактике нам временно нельзя будет добиться значительных успехов. Речь для нас шла о том, чтобы взять такую линию, которая показала бы пролетариату, что в перспективе исторического развития наша точка зрения верна.

В данный момент германский рабочий класс находится в таком положении, когда он еще видит «положительные» стороны плана

Дауэса. Последние выражаются в оживлении промышленности, притоке капиталов, стабилизации валюты. Однако, эксплоатация Германии Антантой продолжается. Придет время — противоречия обострятся на новой почве. Мы открыто заявили в печати, — и это, кажется, вызвало большую сенсацию, — что непосредственно-революционной ситуации, как это было в 1923 году, сейчас, в 1925 году, в Германии налицо не имеется. Я боюсь, товарищи, что это утверждение может повлечь за собой особенно большие недоразумения. Без сомнения, найдутся товарищи, которые скажут: «Итак, нет ярко выраженной революционной ситуации. Это нам и надо было установить, но, следовательно, и вся тактика Коммунистического Интернационала и германской партии неверна».

Надо открыто говорить о том, что есть в действительности. Иллюзии никогда еще не шли на пользу революции. Поскольку в Германии у нас сейчас нет налицо непосредственно-революционной ситуации, мы этот факт и отмечаем и анализируем. Но это, разумеется, отнюдь не равносильно прекращению в Германии классовой борьбы. Классовая борьба в Германии не прекратилась и отнюдь не прекратится. Подтверждением тому служат последние события. Стоит вспомнить только о нападении полиции на рабочих, происшедшем в Галле. Почитайте-ка, что пишет «Роте Фане» о демонстрациях, устроенных в связи с событиями в Галле. Мы видим, что классовая борьба выносится на улицу. Вновь надвигаются экономические стачки. Таким образом, борьба в Германии продолжается. Притом это уже не та классовая борьба, что разыгрывалась в довоенную эпоху, но классовая борьба именно эпохи послевоенной, т.-е. всегда и неизменно с зернышками гражданской войны. С другой стороны, это борьба не в духе 1923 года, но 1925 года с его специфическими чертами.

Происшедшие в Германии изменения резко бросаются в глаза. План Дауэса через некоторое время будет иметь последствием еще большее обострение классовой борьбы, которая не притупится, хотя бы ей и пришлось тянуться целые годы. Она вновь и вновь будет обостряться все на новой и новой основе.

Положение в Польше, Италии, Чехо-Словакии и Скандинавии.

В *Польше* обстановка такова же, как и на Балканах. Сильное крестьянское движение, сильное движение национальных меньшинств, представляющее собою частично тоже крестьянское движе-

ние, и затем сильное рабочее движение. Таким образом, и в Польше действуют в комбинации все эти три фактора. При поверхностном наблюдении и здесь можно констатировать некоторое улучшение для польской буржуазии, но не следует упускать из виду трех вышеупомянутых факторов.

Я позволю себе сказать еще два слова об *Италии*. Преодолеть там фашизм еще не удалось. Несколько недель тому назад казалось, что Муссолини уже приходит конец. На самом деле это оказалось не так. Но положение в Италии шаткое, неустойчивое и чревато чем угодно, только не консолидацией.

Теперь о *Чехо-Словакии*. Положение буржуазии там таково, что легального выхода из создающихся для нее трудностей она не находит. Коалиция разлетается в куски и чем дальше, тем все больше и заметней. Здесь опять-таки, как и в Польше и на Балканах, наблюдается взаимодействие тех же трех факторов. Правда, крестьянское движение, да и движение национальных меньшинств, здесь слабее, чем в вышеназванных странах. Зато важнейший из трех факторов, — рабочее движение, — в Чехо-Словакии гораздо сильнее, чем в других странах.

Что касается *Скандинавии*, этих «благословенных» стран мелкой буржуазии, где бразды правления находятся еще и сейчас в руках социал-демократических правительств, то характерно, что даже и там обостряется классовая борьба. Идиллии там пришел конец. Резкая классовая борьба, свидетелями которой мы были последнее время в Скандинавии, в частности в Норвегии, а недавно и в Швеции и в Дании, свидетельствует об обострении классовых противоречий и в Скандинавии.

Растет тяга международного пролетариата к СССР.

Таким я представляю себе, товарищи, общее положение. На-ряду с этим притягательная сила СССР неуклонно растет. Мы должны сознаться, что в течение некоторого времени, особенно в период голода, эта притягательная сила шла на убыль. В настоящее же время наблюдается обратное. Движение в пользу посылки в СССР многочисленных профсоюзных делегаций только начинается и, несомненно, будет расти. Что привлекает к нам представителей социал-демократических и беспартийных рабочих из зарубежных стран? Инстинктивное чувство, что в СССР началось подлинно-социалистическое строительство. Эти делегаты рассуждают приблизительно так: мы шли отличным от России путем, мы шли за социал-демократией.

Чего же мы достигли? В экономическом отношении положение наше очень плохо. В России пролетариат шел, правда, тернистым путем, путем крови и гражданской войны, но русские рабочие уже многого добились. Это сознание в социал-демократических рабочих ныне пробуждается и будет в дальнейшем все больше и больше крепнуть.

Мировое положение попрежнему остается об'ективно революционным, хотя в отдельных странах непосредственно-революционная ситуация исчезла.

Подвожу итог: мы не должны выделять из общего комплекса Германию, где нам долгое время казалось, что вот-вот произойдет революция. Мы должны анализировать *мировое* положение *в целом* и оценивать его таким, как оно есть. Мы — партия *мировой* революции, а не революции только русской или германской. А потому и оценка наша должна охватывать положение в мировом масштабе.

Итак, подводя итоги, мы должны сказать: на отдельных участках фронта борьба кипит уже не с такой силой, как в 1923 году. Если нет налицо и перемирия, то во всяком случае, по сравнению с 1923 годом, на некоторых участках фронта борьба пошла временно (Германия) на убыль. И в Западной, и в Центральной Европе уже нет налицо острой революционной ситуации. Что касается мирового положения в целом, оно попрежнему остается об'ективно революционным. Восток движется вперед гораздо решительнее, чем мы это полагали. Влияние Коммунистического Интернационала растет, идея всемирной революции становится на Востоке все более и более популярной. Англия оказывается расшатанной гораздо больше, чем нам это до сих пор казалось. Еще Маркс считал, что революция без Англии — буря в стакане воды. Если сопоставить положение Англии с положением Германии и принять затем во внимание прогрессирующее пробуждение Востока с его 900-милионным населением, то окажется, что факторы, задерживающие революцию, и факторы, ее стимулирующие, приблизительно уравновешиваются взаимно.

Товарищи, таким образом, общее положение таково, что нам попрежнему приходится считаться с двоякого рода возможностью: мы должны строить в дальнейшем нашу тактику в направлении, указанном резолюциями V всемирного конгресса, и диференцировать ее сообразно запросам той или другой страны, учитывая возможность как медленного, затяжного, так и более быстрого темпа развития классовой борьбы. С точки зрения наших основных целей нет ни малейшего основания для какого бы то ни было пессимизма.

Неверная оценка действительности приводит к антиленинскому уклону.

Товарищи, которые из неверно оцененного ими факта сближения Англии с Америкой делают пессимистические выводы, стоят вплотную перед опасностью начала ревизии теории Ленина в вопросе об империализме. Они часто готовы голосовать за любую резолюцию и готовы именовать себя ленинцами, но они не хотят понять, что, когда надо *применять* ленинизм, они на деле зачастую вступают на путь ревизии важнейших, основных частей ленинизма.

Тот, кто пытается доказать, что сближение между Америкой и Англией должно привести к превращению Европы в доминион Соединенных Штатов и устранить противоречия внутри Европы, этим самым повторяет сказанное еще в 1915 году Каутским по вопросу о сверх-империализме, ультра-империализме. Я не хочу здесь слишком вдаваться в цитаты и отсылаю вас к статье Ленина в сборнике «Против течения» и к его полемике с Каутским в книге «Империализм, как новейший этап капитализма». Ленин как бы авансом и дает нам как-раз ответ на те вопросы, которые ныне ставят сторонники правого крыла. Я позволю себе процитировать одно лишь место на вышеуказанной книги. Вот что мы читаем там:

> «Совершенно такой же отсталый характер носит, как мы видели выше, и сочиненная Каутским пресловутая теория «ультра-империализма».
>
> В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплоатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистические страны составляют союзы один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интеримпериалистские» союзы. Допустим, что все империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран, — это будет «интернационально-об'единенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, напр., в отношениях держав к Китаю. Спра-

шивается: «мыслимо» ли предположить при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы, в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистских держав, — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг-друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики». В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 328—329).

Товарищи, теми же словами можем мы возразить в наши дни «пророкам», столь переоценивающим сближение между Англией и Америкой, которое, по их мнению, должно чуть ли не устранить революцию.

Радек утверждает, что демократически-пацифистская «эра» еще и теперь не миновала. Макдональд, правда, сошел со сцены, но пацифизм, по мнению Радека, остался. Как пришел к этому выводу Радек? Дело в том, что всякое состояние капиталистического мира, когда нет прямой войны, Радек рассматривает как пацифизм. Между тем, империализм нуждается в передышках между войнами; во время

этих передышек подготовляются новые войны. Если в данный момент состояние капиталистического мира таково, что войны нет, то, с другой стороны, мы видим, что это—лишь замаскированная подготовка новой войны. В этом вопросе нужна полнейшая ясность. Уже в декабре 1922 года Ленин писал:

> «Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д.» («Большевик», журнал ЦК РКП, № 2, 1924 г., стр. 18).

Так ресценивал Ленин положение еще до конца 1922 года, когда оно было, в общем и целом, уже совершенно ясно. Он допускал, что новая война может возникнуть не только из крупных противоречий между Англией и Америкой, но и из-за таких вещей, как вопрос таможенной или торговой политики. Таков именно характер всего «пацифистского» империализма. Из-за самого незначительного вопроса могут возникнуть новые войны. Вот почему мы должны решительно отвергнуть даже самые осторожные и замаскированные попытки ревизии ленинской теории в вопросе об империализме.

Повторяю еще раз: общее *мировое* положение остается об'ективно революционным, несмотря на то, что в некоторых странах, например, в Германии, непосредственно революционной ситуации налицо сейчас нет. V всемирный конгресс расценил обстановку совершенно правильно. Наша прежняя тактика сохраняет силу и сейчас.

IV. Демократически-пацифистская „эра“, фашизм и социал-демократия.

Истинный характер и значение демократически-пацифистской „эры“.

Товарищи, в последнее время все крупные разногласия в рядах Коммунистического Интернационала в конечном счете вертелись вокруг оценки демократически-пацифистской «эры». Такие люди, как Ньюбольд, Филипп Прайс, Хеглунд, Росмер, пали до некоторой степени жертвами вечерними демократической «эры».

Как же рисовали они себе дело? Они решили попросту, что революция миновала, и что мировое положение уже перестало быть революционным. Они говорили: если Советской власти за 5—6 лет не удалось многого достичь для улучшения жизни рабочих, то надо и Макдональду дать столько же времени. И это говорили коммунисты! Хеглунд, в свою очередь, усматривал событие мировой исторической важности в факте провала Ньюбольда на парламентских выборах.

Правильный подход к демократически-пацифистской «эре» был в последние девять месяцев центральной осью всей нашей тактики. Некоторых товарищей одолевали сомнения, которые они, однако, боялись высказать открыто; они заявили, что в общем и целом согласны с линией V конгресса, на самом же деле продолжали рассматривать демократически-пацифистский эпизод, как подлинную эру, как длительный период, как новую эпоху мировой истории. Они считали, что отсюда вытекает необходимость изменения всей нашей тактики в более или менее социал-демократическом духе. Ньюбольд и Хеглунд пали жертвами этой иллюзии. Другие были осторожнее, дипломатичнее; они сунули в дверь пока-что только один палец. Но он оказался столь сильно защемленным, что у них пропала охота совать туда другие пальцы.

Чему же учат нас факты? Первым делом—в отношении длительности знаменитой «эры». Факты доказывают, что демократически-пацифистская «эра» была не больше чем эпизод, как и предсказывала резолюция нашего V конгресса. В известном смысле можно сказать, что «демократически-пацифистский» эпизод равносилен был приходу на-время к власти *мелкой* буржуазии. На деле власть перешла в руки мелкой буржуазии не целиком, а лишь в ограниченных пределах. В эпоху империализма и пролетарской революции (эпоху, которую *менее всего* можно назвать демократически-пацифистской) мелкая буржуазия не может самостоятельно стоять у власти. И вот поэтому ей и пришлось сыграть роль марионетки в руках крупной буржуазии. Блестящей исторической иллюстрацией этого положения могут служить Франция и Англия, где наглядно обнаружилось, что мелкая буржуазия в эпоху империализма не может править страной, как самостоятельная сила.

Чему еще учат нас факты? Тому, что Макдональд, вопреки своему желанию, проработал на нас. Внутри английского рабочего класса началось расслоение, и растет воля к подлинной власти. Зачастую ставился в «философскую» плоскость вопрос: что же представляет собою, в сущности говоря, правительство Макдональда? Есть ли

это последняя фаза кризиса послевоенного или первая фаза новой пацифистской эры? Такая постановка вопроса казалась высоко «диалектической». Я думаю, что правительство Макдональда было и тем, и другим. В лице демократического пацифизма мы имеем дело с одним лишь звеном непрерывной цепи событий, начало которой относится еще к 1914 году, т.-е. к моменту возникновения войны.

Демократически-пацифистская «эра» 1924 года есть лишь эпизод в эпохе империалистических войн и подготовки пролетарской революции. Мы не нуждаемся в «философских» определениях. Нам достаточно учесть тот факт: 1) что период этот оказался кратковременным, 2) что мелкая буржуазия, даже в лице рабочей партии, не смогла играть самостоятельной роли, 3) что в настоящее время в Англии приходится считаться лишь с двумя решающими факторами общественной жизни: рабочим классом и капитализмом и, наконец, 4) что правительство Макдональда с его «конструктивным социализмом» работало на нас, коммунистов, на Коминтерн.

Оценка фашизма и социал-демократии.

С вопросом о характере демократического пацифизма связана и оценка фашизма. Вы помните, товарищи, борьбу, происходившую в наших рядах по этому вопросу. Фашизм и демократически-пацифистская «эра» связаны друг с другом. Взгляните на выборы в Германии, Англии и Америке. Что мы там видим? В Германии широкая масса избирателей голосовала за социал-демократию, в Англии—за Рабочую Партию, в Америке—за партию Лафолетта. Широкие массы как мелкой буржуазии, так и пролетариата голосовали за группы, являющиеся носителями идей демократического пацифизма, даже тогда, когда звезда его уже закатывалась. «Эра» уже миновала, а отсталые слои населения, цеплявшиеся еще за утопии и всякого рода иллюзии, продолжали высказываться за демократически-пацифистскую политику. Мы не хотим, чтобы в коммунистической *партии* царили демократические иллюзии. Но в отсталых массах они продолжают жить. Мы должны были раньше и должны сейчас с ними, разумеется, бороться.

В эпоху демократически-пацифистской «эры» надо различать двоякого рода страны: одни из них были суб'ектами, другие — об'ектами этой «эры». Англия и Франция были суб'ектами, Германия — об'ектом. Попутно замечу, что успехи нашей партии в Англии и Франции, с одной стороны, и трудное положение нашей герман-

ской партии — с другой, вытекают из об'ективного положения вещей. В Германии, как и во Франции, царили пацифистские иллюзии. Но почва, вскармливающая этот пацифизм, в Германии не та, что во Франции. Когда умирающий от голода и от жажды человек в изнеможении валяется на земле, а в нем будят падежду на то, что он сможет встать и выпрямиться, обещая ему глоток воды или кусочек хлеба, или чуточку молока, то понятно, что в нем просыпаются надежды и иллюзии. В таком положении очутилась Германия. На этом и спекулировала в ту пору социал-демократия. И потому не приходится удивляться, что в странах, бывших суб'ектами «эры», где правящие классы не могли ничего существенного предложить и обещать массам, не могли посулить им улучшения их положения, нашим коммунистическим партиям сравнительно легко удавалось добиться успеха.

Социал-демократия „побеждена“ фашизмом в том смысле, что примкнула к нему.

Возвращаюсь к фашизму. В 1924 году Радеком было сформулировано положение о победе фашизма над социал-демократией. Правильно ли оно? Как понимать в данном случае слово «победа»? Вам известно, например, что германская буржуазия одержала «победу» над Карлом Либкнехтом. Буржуазия его убила, победила в борьбе. Это — один вид победы. Другой вид победы наблюдался в истории русского революционного движения 80-х годов. Я имею в виду хорошо известного революционера Льва Тихомирова. Он тоже был «побежден», — но как? Он сам перешел на сторону врага, перешел в лагерь царизма. Либкнехт был «побежден» германской буржуазией, Тихомиров—русским царизмом. Это—два разные вида «победы». Именно так и социал-демократия была «побеждена» буржуазией, притом в мировом масштабе. Вожди с.-д. попросту стали ренегатами, пошли по пути Тихомирова, перешли на сторону буржуазии. Эту безделицу проглядел Радек. Он решил, что так как социал-демократия «побеждена», то следует с ней об'единяться политически. Вот вам теория «единого фронта» в понимании Радека. Он упустил из виду, что вожди социал-демократии «побеждены» буржуазией в том смысле, что сами стали формировать крыло буржуазии. А потому тезисы V конгресса, содержавшие в себе характеристику социал-демократии, как «третьей» партии буржуазии, были совершенно правильны.

В Италии фашизм явился синтезом стремлений капиталистической буржуазии и социал-демократии, при чем социал-демократия оказалась крылом фашизма. Соответствующие тезисы и резолюции V конгресса были правильны, поскольку оказалось, что социал-демократия крепнет в той же мере, в какой крепнет буржуазия. Отсталость широких масс и замедление темпа развития классовых конфликтов будут и в дальнейшем иметь там и сям результатом усиление социал-демократии. Весь вопрос в том, что в виду усиления социал-демократии мы должны переоценить все ценности! Мы держимся иного мнения и убеждены, что, поскольку будет усиливаться на некоторое время буржуазия, это будет использоваться и социал-демократией, так как в наши дни буржуазия и социал-демократия — два близнеца. Еще Маркс и Энгельс справедливо заклеймили продажных вождей *английского* рабочего движения. Вы знаете, как беспощадно критиковали и разоблачали Маркс и Энгельс английских рабочих вождей. В настоящее время мы должны делать то же в международном масштабе.

Эту задачу облегчает нам целый ряд событий. Я остановлюсь лишь на четырех из них: 1) барматовский скандал, эбертовский процесс и пр.; 2) договор между венгерской социал-демократией и Хорти; 3) последняя сессия бюро II Интернационала; 4) похороны Эберта, Брантинга и Гомперса. Недавно мне пришлось прочесть некролог, посвященный Гюисмансом Брантингу. Гюисманс вменяет в заслугу Брантингу то, что он, несмотря на свой республиканский образ мыслей, был старым другом шведского короля и его школьным товарищем. Сильно сказано, не правда ли? Гюисманс «хоронит» Брантига во второй раз.

Подвожу итог: социал-демократия, действительно, тов. Радек, «побеждена» буржуазией, «побеждена» фашизмом. В отличие от Карла Либкнехта и его последователей, она пала не в борьбе, но побеждена в том смысле, что сама, в лице своих вождей, отреклась от себя, как от рабочей партии, заняв мелкобуржуазную позицию и став крылом буржуазной «демократии». Временное укрепление буржуазии равносильно некоторому укреплению на-время и социал-демократии. Гибель буржуазии будет в то же время гибелью и социал-демократии.

Таким образом, тактика Коммунистического Интернационала была абсолютно правильной. Об этом свидетельствует классовая борьба, этому учат нас эпизоды гражданской войны, об этом говорят жизнь и движение масс. Большевистская, ленинская линия V конгресса оправдала себя целиком.

V. Борьба за профсоюзное единство и английское рабочее движение.

Лозунг профсоюзного единства выдвинут Коминтерном.

— Товарищи! Раньше, чем перейти к вопросу о большевизации, я хотел бы коснуться в нескольких словах профдвижения.

Никто из нас, разумеется, не станет оспаривать правильности общей линии V всемирного конгресса в этом вопросе. Правда, наши противники из правого крыла Коминтерна считали, что резолюция V всемирного конгресса по профсоюзному вопросу идет, в сущности говоря, вразрез с прочими его резолюциями. Правильную нашу позицию в этом вопросе они считали «случайной». Коминтерн «случайно»-де занял правильную позицию в вопросе о профсоюзах. События уже показали, что профсоюзная резолюция V конгресса вполне отвечает общей тактике Коминтерна. Итак, необходимости в принципиальной дискуссии по этому вопросу сейчас нет. Что нам на этот раз нужно, — это выработать практические указания для отдельных братских партий.

Товарищи, самый популярный лозунг, лозунг борьбы за единство международного профдвижения, выдвинул Коминтерн. Этим Коммунистический Интернационал сделал крупный шаг вперед. Мы должны констатировать, что в отдельных странах наша правильная линия в профсоюзном вопросе при проведении ее в жизнь чревата теми же двумя опасностями, что и тактика единого фронта вообще. Особенно явственно видно это во Франции и Чехо-Словакии, менее четко — в других странах.

Первая опасность стоит в подходе к этой тактике, как к незначительному маневру, точно все дело сводится здесь к открытым письмам к социал-демократии, а в остальном все должно итти своим чередом. Другая опасность состоит в возможности перегиба палки в другую сторону и заключается в проповеди поспешного безоговорочного вступления в реформистские профсоюзы даже там, где налицо имеются столь же сильные или даже более сильные профсоюзы революционные. Это — другая крайность. В Чехо-Словакии, я слышал, кое-где некоторые товарищи считают даже, что чем слабее наши красные, революционные профсоюзы, тем легче будет добиться профсоюзного единства. Мы понимаем нашу тактику *совсем* иначе. Мы считаем, что там, где революционные профсоюзы имеются, мы должны вести борьбу за каждого рабочего. И на-ряду с этим надо продолжать борьбу за единство профдвижения. Распускать наши

красные профорганизации там, где они представляют серьезную силу по сравнению с реформистскими, единым махом было бы крупной ошибкой.

Англо-русский комитет еще не сформировался, но последние сообщения о подготовке к нему носят благоприятный характер. Правые амстердамцы, видимо, несколько взволнованы решением англичан созвать официальную конференцию совместно с русскими профсоюзами. Мы держимся прежней линии и будем и дальше бороться за единство профдвижения, не впадая, однако, ни в одну из вышеуказанных крайностей. Мы будем вести борьбу всюду, будем вести ее и там, где у нас имеются революционные профсоюзы.

Новое в английском рабочем движении.

Вся наша профсоюзная кампания исторически возникла в связи с обстановкой, сложившейся в английском рабочем движении. То новое, что сейчас сказывается в международном рабочем движении, зарождается прежде всего в Англии. Причина, способствующая возникновению этих новых веяний, вкратце сводится к следующим четырем моментам: 1) Англия утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке. 2) Колониальная мощь Англии начинает колебаться. Эти два момента уже сами по себе имеют громадное значение. Вторая тенденция, несмотря на то, что она начинает пробиваться только сейчас, уже сказывается на всем экономическом и политическом положении в Англии. 3) Классовая борьба обостряется. 4) Привилегированное положение рабочей аристократии идет на убыль.

Таким образом, отнюдь не случайно то обстоятельство, что делегация английских профсоюзов приезжала недавно в Россию и сравнительно доброжелательно отзывается о нашей революции. Объясняется это отнюдь не личными качествами данных представителей английского рабочего движения, не тем, что они хорошие парни, — это теснейшим образом связано с четырьмя упомянутыми факторами. В английском рабочем движении уже повеяло новой струей. Я думаю, что Макс Бер прав, когда, подводя итоги английскому рабочему движению за последнее время, он говорит, что на положении английского рабочего класса сказывается, с одной стороны, «крах старой классической трэд-юнионистской тактики, с другой стороны, крах былых методов борьбы рабочей партии». Действительно, тут действуют оба момента. Крах старой трэд-юнионистской тактики

тоже не случаен. Дело не только в недостатках вождей и совершонных ими ошибках, но и в том, что Англия утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке, и что влияние ее в ее собственных колониях наталкивается на все большее и большее сопротивление, а это способствует оживлению темпа классовой борьбы в Англии и пробуждает к новой жизни массы английского пролетариата.

Отсюда и движение профсоюзного меньшинства, которому предстоит огромное будущее. Именно это движение, группирующее вокруг коммунистических идей уже 600.000 рабочих (а также консолидация левого крыла официальных профсоюзов), больше всего способствовало установлению англо-русского сотрудничества.

Рабочая партия Англии и деревня.

В Англии завязывается серьезнейший узел. Рабочая Партия в ее *теперешнем* виде едва ли удержится. Но на ближайшие годы перспектива у нее есть. Она имеет виды и на деревню. В настоящее время это — лишь городская партия. На последних выборах она получила в городских промышленных округах 52 мандата из 193, в деревенских же — лишь 38 из 230. Я полагаю, что в дальнейшем мы будем свидетелями двоякого рода явлений в Рабочей Партии: с одной стороны, постепенного падения престижа и влияния ее косной верхушки в городах и выдвижения новых сил, вероятно, из рядов меньшинства, а то и коммунистической партии (преимущественно в рабочих центрах и промышленных районах), с другой стороны, некоторого роста влияния рабочей партии в мелкогородских и сельских округах.

В свете исторической перспективы усиление позиции рабочей партии в этих последних округах будет об'ективно прогрессивно. Не так давно Отто Бауэр выдвинул в Австрии лозунг: «В деревню!». Австрийские социал-демократы намерены отправиться в деревню, они не прочь полакомиться кусочком «ленинизма». Они заявляют, что Ленин был прав, настаивая на союзе с крестьянством. Разумеется, Ленин мыслил этот союз несколько иначе, чем Отто Бауэр. Цену бауэровскому «ленинизму» мы знаем. Для Рабочей Партии Англии, если бы она повернулась лицом к деревне и стала бы наносить там удары консерваторам и пускать корни в сельском населении, — это означало бы об'ективно шаг вперед.

Коминтерн нашел ключ к проблеме английского рабочего движения.

Наша профсоюзная кампания — кампания жизненная, она имеет широкое будущее именно потому, что находится в живой органической связи с теми процессами, которые протекают внутри английского рабочего движения, с теми тенденциями прогрессивного характера, которые в нем развиваются.

На протяжении целого ряда лет Энтельс искал ключа к разрешению проблемы английского рабочего движения. Марксизм не нашел доступа к широким массам английского рабочего движения, так как в ту пору об'ективное положение вещей не благоприятствовало разрешению этой проблемы. Искал такого ключа и Ленин. Вы помните, как во время второго конгресса возникла дискуссия по вопросу о том, следует ли коммунистам вступать в рабочую партию, или нет. Это не был организационный вопрос, мы искали ключа для разгадки проблемы английского рабочего движения. Английское рабочее движение было загадкой не только в эпоху Маркса и Энгельса, в эпоху I Интернационала, но и в эпоху II Интернационала. Мне кажется, что III Интернационал, благодаря Ленину, этот ключ нашел. На наших глазах складывается новая обстановка в английском рабочем движении, там скоро создадутся, наконец, предпосылки для превращения нашей коммунистической партии в партию массовую. Тираж воскресной газеты, которую только начали издавать наши товарищи в Англии, превзошел все наши ожидания. Молодой английский коммунизм шагает вперед. Он прогрессирует, с одной стороны, благодаря изменению об'ективной обстановки в Англии, с другой стороны, благодаря тому, что английские коммунисты вступили на правильный путь, на котором они придут к завоеванию большинства английского пролетариата.

Не надо думать, что наша профсоюзная кампания займет всего несколько месяцев. Исходя из оценки международного рабочего движения, надо полагать, что она затянется на довольно долгий срок.

VI. Задача большевизации и пути ее осуществления.

Суть большевизации — в правильной организации компартий и проведении ими верной политики.

Вот та обстановка, при которой началась большевизация наших партий. Мои тезисы по вопросу о большевизации составлены доста-

точно подробно, так что в дальнейшем я могу ограничиться лишь некоторыми добавлениями к ним.

Прежде всего я хочу коснуться темы «Организация и политика». После опубликования тезисов V всемирного конгресса многие товарищи стали толковать лозунг большевизации, как требование одной лишь организационной перестройки партии на основе производственных ячеек. В основу предлагаемых вам ныне тезисов положена та мысль, что основная задача большевизации заключается в намечении и проведении правильной *политической линии*. Нельзя, разумеется, противопоставлять друг-другу организацию и политику. Правильная политика невозможна без правильной организации, точно так же, как хорошая организация гроша ломаного не стоит без правильной политики. Повторяю, главная суть большевизации — в установлении правильной политической линии, в правильном подходе к вопросам: профсоюзному, крестьянскому, колониальному, к вопросу о работе среди молодежи, женщин и т. д. Но нельзя принижать и значение организации, перестройки на основе производственных ячеек. Я хотел бы вас решительно от этого предостеречь, ибо *для правильной политики необходима и правильная организация.*

Образец правильного приложения большевизации в организационном вопросе.

Только-что состоявшаяся конференция по организационным вопросам имеет крупное значение. Тов. Пятницкий передал мне некоторые материалы, среди которых мне бросилась в глаза маленькая заметка в номере «Руде Право» от 15 февраля, представляющая собой большой практический интерес с точки зрения вопроса о большевизации партий в смысле организационной перестройки. Я имею в виду письмо рабочего, члена производственной ячейки, с сахарного завода в Центральной Чехии. Вот что пишет этот рабочий:

«Когда было решено приступить к организации производственных ячеек, я собрал трех товарищей и во время обеденных перерывов стал обсуждать с ними в общих чертах задачи ячейки. Затем мы решили, что каждый из нас в течение ближайших трех дней должен привлечь в ячейку еще по одному новому товарищу. Таким образом, нас стало восемь.

У нас на заводе работает 150 человек, из них 32 уже состоят в ячейке. Но это еще мало. И вот мы решили, что за время

до конца января каждый член партийной ячейки должен привлечь в нее еще одного члена, за которого он ручается. Мы выбрали бюро и выработали целый ряд предложений относительно общих собраний секции. Шести товарищам поручено распространение наших партийных и профсоюзных газет среди рабочих, состоящих членами других партий и профсоюзов, чтобы им доказать, как лгут их газеты. Четырем товарищам поручено к концу месяца составить список всех тех, кто хочет подписаться на наши органы печати. В настоящее время мы собираем материал для выпуска первого номера стенной газеты.

Работа производственной ячейки представляет некоторые практические трудности, так как товарищи сжились со старыми формами организации, но производственная ячейка важна уже потому, что втягивает в работу всех товарищей, и еще потому, что сама ячейка работает все время, при чем каждый член ее несет ответственность за определенную партийную работу, выполняемую под контролем ячейки».

Как видите, товарищи, речь идет здесь об очень простых вещах. И все же то, что сообщает нам этот рабочий из Центральной Чехии, есть подлинная большевизация. Вот так именно и надо действовать. Дело не в том, чтобы писать длинные тезисы, а в том, чтобы начать с самых простых вещей — по рецепту этого рабочего, — завербовать сначала четырех товарищей, потом еще четырех, а затем распределить среди них работу. Это и есть ленинизм в практической организационной работе.

Я хочу напомнить вам письмо тов. Ленина, написанное им в 1902 году, в ту пору, когда наше движение было еще очень молодо. В этом письме содержится план организаций. То, что рекомендовал Ленин больше 20 лет тому назад русским рабочим в ту пору, когда пролетарское движение в России только начиналось, то же самое, но в гораздо более широких размерах и в другой обстановке делают сейчас рабочие сами, по своей инициативе, в другой стране, где рабочее движение уже насчитывает долгие годы существования. Так именно мы должны итти в организационных вопросах — шаг за шагом вперед. Мы должны говорить рабочим, что нам не нужны коммунисты только на торжественный случай, не нужны коммунисты для парада. Каждый подлинный революционер должен стараться привлечь на сторону партии и вовлечь в ее работу новых товарищей, рядовых рабочих. Эту работу надо неустанно продолжать.

„Век живи, — век большевизируйся".

Реорганизация не может быть произведена механически. Теперь это уже совершенно ясно. На пути большевизации встретится целый ряд препятствий, отчасти в виде неизжитых еще рабочими социал-демократических традиций, отчасти — препятствий чисто об'ективного характера. При проведении и развертывании кампании за большевизацию мы должны центр тяжести работы переносить на производственные ячейки. Самые наилучшие тезисы ничего не стоят, поскольку нет правильной организации, которая понесла бы эти тезисы в массы и сделала бы их ясными и популярными. На-ряду с проведением правильной политики мы должны научиться строить и правильную организацию.

Что означает большевизация при той обстановке, которая у нас сейчас налицо? Первым делом никогда не следует забывать мудрой поговорки: «Век живи, — век учись». В применении к большевизации это значит: «Век живи, — век большевизируйся, век ленинизму учись». Было бы самообманом думать, что в несколько месяцев можно осуществить подлинную большевизацию, или, что вообще можно ее ограничить определенным сроком. Подлинная большевизация умов, партии, рабочего движения — это процесс непрерывный.

Большевизация заключается также в правильном учете опыта, социального состава, обстановки в каждой стране.

Не следует упускать из виду, что *механическое* перенесение русского опыта в другие страны невозможно первым делом уже потому, что буржуазия тоже учла по-своему «Уроки Октября». Этого забывать не следует. После русской революции нам казалось, что революции в других странах будут протекать примерно так же, как наша. В настоящее время уже всем нам ясно, что протекать они будут несколько иначе, чем в России. Буржуазия, не забывайте, тоже извлекла для себя уроки из Октября. Нам, например, казалось ранее, что и другие страны будут переживать свой период керенщины. Сейчас становится уже очевидным, что в других странах керенщина едва ли будет в той же форме. Вспомним хотя бы недавние эпизоды гражданской войны в Гамбурге или Ревеле. Они доказывают, что можно ждать в этих странах чего-угодно, только не простого повторения нашей керенщины.

Большевизация состоит в том, чтобы научиться извлекать из опыта России, равным образом, как из опыта борьбы в других стра-

нах, наиболее существенные уроки, сочетать их с конкретными условиями и запросами той или иной страны. Прежде всего мы должны при этом учитывать социальный состав и расслоение данной страны. На-днях была найдена еще не опубликованная рукопись тов. Ленина, имеющая громадное значение. Это — набросок на тему о диктатуре пролетариата. Весьма любопытен в нем один пункт. Он предусматривает нижеследующую диференциацию: в деле определения основы диктатуры пролетариата в различных странах необходимо учитывать первым делом специфические черты социального состава этих стран. Надо знать, каково процентное соотношение между пролетариатом, мелкой буржуазией и капиталистами, каково расслоение внутри мелкой буржуазии и т. д. В виде примера Ленин говорит: допустим, в одной стране пролетариат составляет 51 проц., мелкая буржуазия — 40 проц., а капиталисты — 9 проц., в другой стране пролетариат составляет — 20 проц., мелкая же буржуазия — 75 проц., а капиталисты — 5 проц. Таким образом, ситуация для диктатуры пролетариата оказывается совершенно различной. Если затем принять во внимание, что расслоение в рядах мелкой буржуазии в свою очередь носит различный характер, — скажем, во втором примере — 30 проц. бедноты, 30 проц. — среднего достатка и 15 проц. — зажиточных, — то окажется, что необходимо еще точнее определить специфические черты той или иной ситуации. Если во втором случае социальный состав приблизительно соответствует той основе, на которой развернулась русская революция, то в первом случае, наоборот, мы имеем дело со страной, где явно преобладает пролетариат, — наподобие, скажем, Германии.

Как видите, товарищи, в первую очередь необходим элементарный социальный анализ. До сих пор мы не везде научились проделывать даже эту предварительную работу. Так, например, нам казалось, что условия в этом отношении в Америке, Болгарии и Германии одни и те же. Никогда не следует забывать, что правильная политика предполагает умение диференцировать, учитывать своеобразие той или иной среды и специфический характер той или иной страны.

К стыду нашему должен сказать, что мне случалось встречать «вождей», которые на вопрос: сколько у вас в стране крестьян? — смущенно отвечали: этого я вам не могу сказать точно. Товарищ, которого я имею в виду, был притом родом из страны с многочисленным крестьянским населением, пришел он в партию из профсоюзной оппозиции. Как видите, на такой элементарный, но вместе с тем важный вопрос некоторые из нас не могут дать ответа. Тут

уже не помогут никакие тезисы о большевизации. Такие люди напрасно называют себя большевиками. Пусть они в первую голову изучат социальную статистику собственной страны, не то тезисы о большевизации останутся для них книгой за семью печатями. Если вы не знаете социального состава вашей собственной страны и численного соотношения сил в ней, нечего и разыгрывать из себя большевиков. В лучшем случае вы можете остаться мужественными борцами рабочего класса, но о руководстве революцией, о завоевании крестьянства и о привлечении его на свою сторону тут не приходится и думать.

Ленин учил, что надо бороться как за копеечную прибавку, так и за достижение наших конечных целей.

Дискуссировать сейчас надо не на тему, что такое большевик вообще, но по вопросу, что такое большевик при конкретной обстановке текущего периода, периода замедленного темпа мировой революции. В тезисах центрального комитета нашей братской германской партии, принятых в январе этого года, имеется превосходное место, которое я позволю вам зачитать. Там говорится:

> «Именно в такие периоды (замедленного темпа развития) каждый коммунист должен сознавать всю ответственность за каждый поступок, за каждое слово. Конкретность, положительность, острота критического анализа, бесстрашие, пламенная ненависть и разумное хладнокровие в отношении ко всем реформистским вождям, терпимость и большая терпимость по адресу всех инакомыслящих рабочих, организационные способности, вербовка неорганизованных в профсоюз с целью усиления влияния коммунистов, уменье просто и точно, в соответствии с действительностью, письменно раз'яснять происходящее, отметание всякого цехового мещанского духа, — вот чего должна партия требовать от каждого из своих членов именно в такие периоды».

Эту формулировку я считаю прекрасной. В данный момент все эти качества действительно нам особенно нужны. Когда Ленин писал книгу «Что делать?», эту «библию большевизма», книгу, закладывающую основы большевизма, русское рабочее движение переживало младенческий период своего развития. Еще тогда Ленин охватил весь об'ем задачи, указав, что мы должны бороться как за копеечную прибавку к заработной плате, так и за достижение

наших конечных целей. На-ряду с мельчайшей повседневной работой трудиться над осуществлением наших великих целей — такова наша задача; она охватывает как борьбу за незначительные реформы, так и подготовку, выбор момента и проведение вооруженного восстания и, наконец, укрепление уже завоеванной рабочим классом власти.

Товарищи, надо констатировать, что в настоящий момент целый ряд наших партий переживает период, когда для них особо важно изучение большевизма именно довоенной эпохи. Разумеется, опыт, приобретенный нами после 1917 года, попрежнему остается подлинной сокровищницей для партий всего мира. Однако, некоторые из наших партий именно сейчас вступают в такую фазу борьбы и развития, когда усиленное значение приобретает усвоение принципов политики, тактики и организации большевизма эпохи до 1917 года.

О работе среди крестьянства.

Мы сделали решительные успехи как в профсоюзной области, так и в области работы среди крестьянства и в колониях. Начало работы в деревне представляется мне делом особенно важным. Однако, надо различать стихийное крестьянское движение, с одной стороны, и планомерную работу, коммунистическую инициативу в деревне — с другой. Стихийные крестьянские движения наблюдаются в различных странах и зачастую возникают там помимо инициативы и работы коммунистов. Бывает и обратное: есть страны, где уже имеются начатки коммунистической работы в крестьянстве, но нет еще стихийного крестьянского движения. На эти первые попытки охвата крестьянской массы Коммунистический Интернационал возлагает большие надежды. Надо сказать, что наконец-то лед сломлен. Мы переходим от слов к делу. Я напоминаю вам о крестьянских конференциях французской коммунистической партии. То же в Германии, подобного же рода предварительная работа ведется и коммунистической партией Германии. Следует отметить успехи в этом направлении и итальянской коммунистической партии. Попытки положить начало планомерной работе среди крестьянства наблюдаются и в Чехо-Словакии.

Берлинские, гамбургские и др. рабочие зачастую пользуются теперь воскресным днем для посещения деревни. Они выезжают на грузовиках в окрестные деревни, раздают там партийную литературу, устраивают собрания с крестьянами и пр. Это имеет огромное значение. Так действовали и мы, русские большевики. До 1917 г.

РКП была партией «городской». Лишь в 1917 г. она стала проникать в деревню. Удавалось это, прежде всего, благодаря рабочим, посылавшим свои делегации в деревню; расходы по посылке их окупались путем денежных сборов на самих предприятиях.

Поскольку такая работа начинается, громадное значение приобретает суммирующий ее лозунг. Таким лозунгом является — «рабоче-крестьянское правительство» в понимании и толковании V всемирного конгресса. Там, где этот лозунг еще не пущен в ход, он должен быть теперь выдвинут путем широчайшей пропаганды. Было бы ошибкой отказаться от него только потому, что Брандлер и Радек его дискредитировали. Это обстоятельство отнюдь не говорит против лозунга, так как Брандлер и Радек пытались дискредитировать все наши лозунги. Брандлер навряд ли привлек хотя бы единого крестьянина на нашу сторону, но дискредитировать лозунг — это он сумел. Мы же постараемся, на-ряду с привлечением на свою сторону крестьянства, популяризировать этот лозунг в его революционном истолковании.

О тактике единого фронта.

Перехожу к тактике единого фронта. Тактика эта не только не противоречит большевизации, но и является ее существенной составной частью. Без этой тактики не может быть большевизации. Большевик есть в первую голову массовик. Но чтобы быть массовиком, надо непрестанно сохранять связь с рабочей массой, в том числе и с социал-демократической и беспартийной массой.

Я полагаю, товарищи, что мы лишь *начинаем* правильно применять тактику единого фронта. В эпоху, когда в Англии совершаются крупные общественные сдвиги, когда вопрос о едином фронте вовлекает в дискуссию один профсоюз за другим, применение этой тактики должно быть недвусмысленным, решительным, революционным, большевистским.

О политике частичных требований.

Коснусь еще в двух словах вопроса о частичных требованиях, которые должны выдвигаться партиями при осуществлении повседневного руководства борьбой рабочих. Этот вопрос тоже относится к области большевизации.

Не надо думать, будто мы считаем, что как-раз теперь мы вступили в эпоху реформ; мы прекрасно понимаем, что эпоха замедлен-

ного развития революции отнюдь не способствует и проведению реформ. Было бы коренной ошибкой полагать, что замедленный темп обострения классовых противоречий и меньшая острота классовой борьбы равносильны расцвету реформ.

Подобного рода эпохи благоприятствуют не реформам, а реформизму. У нас теперь начнутся «болезни правизны». Серьезных же реформ мы, наоборот, не увидим.

Неужели вы думаете, что мы можем вырвать у теперешней буржуазии реформы? Я этого не думаю. Но это отнюдь не значит, что мы должны отказаться на этом основании от выставления частичных требований. Реформы — это побочные результаты революционной борьбы. Когда борьба идет на убыль, наблюдается рост реформистских иллюзий, но отнюдь не расцвет подлинных реформ. И все же выдвигать частичные требования мы должны. Как-раз, в такие эпохи, как нынешняя, мы обязаны проводить правильную, разумную, планомерную, тщательно продуманную тактику частичных требований, не покидая, однако, рамок революционной борьбы и не разводя большевизации водою реформизма. Мы должны последовательно поднимать рядового рабочего от мелких вопросов дня до уровня вопросов крупных, вопросов эпохи. Мы должны ему доказать наглядно, убедить его на фактах его же собственного опыта, что из состояния нищеты он с помощью мелких требований не выберется. Частичные требования являются, таким образом, именно в данное время непременной составной частью нашей тактики.

VII. Опасность „болезни правизны“ в Коминтерне.

Я заранее предвижу, что после открыто высказанного нами признания относительно отсутствия в Германии непосредственно-революционной ситуации, в результате этого непременно возникнут всяческие кривотолки и искажения наших подлинных взглядов. Будут оживать правые тенденции. Некоторые «коммунисты», никогда не имевшие о большевизме никакого понятия, считали, что революция обязательно должна совершиться в 2 — 3 года; если же она в ближайшее время не произошла, то уж лучше итти к социал-демократам. Эти герои будут нам теперь говорить: вот, видите, мы были правы. Начнется перекочевывание «ультра-левых» к правым, как это произошло уже с тов. Бордигой.

История с тов. Бордигой служит крайне поучительной иллюстрацией к сказанному мной. Почитайте-ка, товарищи, что пишет

сейчас Бордига, вникните в его «мировоззрение» и призадумайтесь над вопросом, чем вызвана перемена, произошедшая с ним. Источником ее является неспособность Бордиги понять роль коммунистической партии в период замедленного темпа развития революции, его неспособность понять значение повседневной, мелкой, кропотливой, но вместе с тем большевистской работы в такую пору, его неуменье найти увязку тактики единого фронта, частичных требований и пр. во всей нашей великой, устремленной к конечной цели деятельности. Этим и об'ясняется его прыжок (надеюсь, все же временный, надеюсь, он еще придет к позиции Коминтерна) от ультра-левых к правым.

Образец непонимания задачи большевизации.

Но есть у нас и более опасные правые, которые теперь уже предлагают нам сделать крутой поворот и проводить «новую» тактику. Я уже цитировал вам один документ, являющийся образцом правильного понимания большевизации. Теперь я позволю себе привести из жизни чехо-словацкой партии совсем иного рода рассуждения, чтобы показать, как не надо понимать большевизации. Оговариваюсь, приводя эту цитату, что я отнюдь не намерен предвосхищать решений чешской комиссии, которая представит нам здесь свой доклад. Я не буду касаться ни борьбы, которая ведется в чешской компартии по организационной линии, ни вопроса о составе ЦК, ни борьбы между правыми и левыми.

Брюннские товарищи, что весьма похвально, прислали нам отпечатанные тезисы о разногласиях в КПЧ. Там много есть и такого, что не представляет никакого интереса, много мелочей, о личных трениях и пр., о чем речь будет итти в другом месте. Итак, независимо от исхода внутрипартийной борьбы в Чехо-Словакии, я бы хотел вам сейчас показать, какие коммунисты имеются у нас еще до сих пор. Брюннские товарищи в своем предисловии к меморандуму указывают на крупную роль Брюнна еще во II Интернационале. Я не намерен ставить под вопрос революционное прошлое (и настоящее) брюннских *рабочих*, но скажу лишь, что брюннским товарищам следовало бы кое-кого из своих вождей послать в школу ленинизма, а уж затем подумать, годятся ли они в руководители. В этих тезисах имеется глава, называющаяся «Революционный курс», где демонстрации против дороговизны смешиваются ни больше, ни меньше как с революцией.

Вот что там говорится:

«Так-называемые левые требовали, например, от нас в Брюнне, чтобы мы шли на столкновение даже там, где сильному наряду полиции мы можем противопоставить лишь пару сотен рабочих, и чтобы при этом мы не считались с тем, что это будет стоить нам кровавых жертв».

Далее читаем следующее:

«Кое-кто из так-называемых левых товарищей держится того мнения, что мы должны непрерывно «совершать революцию».

Мы же полагаем, что задача коммунистической партии не в том, чтобы тем или иным путем революционное движение вызвать, но только в том, чтобы имеющееся налицо революционное движение правильно использовать и довести до конца. Тезисы III всемирного конгресса Коминтерна далеко не проведены у нас в жизнь, а было бы весьма важно, чтобы нынешний ЦК КПЧ разобрался задним числом в тезисах о тактике, принятых III конгрессом. Посылка агитаторов к рабочим с директивой поднимать изо дня в день новые революции относится к области выше охарактеризованной нами иллюзионистской политики в такой же мере, как и ребяческое представление, что о степени революционности той или иной эпохи можно судить, якобы, по количеству разбитых во время голодной демонстрации оконных стекол. Разгром лавок во время демонстрации против дороговизны по приказу ЦК есть нечто совершенно отличное от разгрома их голодной массой, вопреки увещаваниям руководящей верхушки. В первом случае мы имеем дело с обильной жертвами романтикой, а во втором — налицо верный признак революционной эпохи».

Нечего сказать, хорошо! А я и не знал, что битье стекол есть «обильная жертвами романтика».

Здесь, товарищи, надо сказать прямо: из каждой фразы торчат длинные ослиные уши социал-демократии. Подумайте только. От бедных брюннцев требуют, чтобы они изо дня в день совершали «революции», притом в такой страшной форме, как демонстрации против дороговизны с разбитием стекол. Вот уже, воистину, не приходится поздравлять брюнских рабочих с наличием у них таких мудрецов. В предисловии к этим писаниям мы встречаем сетования на то, что брюннским товарищам навязали посылку в Москву делегации в составе одних только рабочих — дескать, со скрытым намерением «сознательно изъять заранее» теоретиков. Там же вы-

сказывается опасение, что посылаемые рабочие не будут в состоянии изложить Интернационалу все, что требуется, с необходимой ясностью и теоретической мотивировкой. На этом основании нас осчастливили вышеуказанным меморандумом с его блестящими «теоретическими» рассуждениями.

Признаюсь, я решительным образом предпочитаю беседу с брюннскими рабочими, по мнению автора этих тезисов, не подготовленными теоретически к дискуссии с нами, беседе с «теоретиками», сочинителями этих писаний. Вдаваться с авторами этой бумаги в споры — даром потраченный труд.

Заметьте, авторы этого документа не знают еще того, что мы здесь констатировали отсутствие в настоящее время в Германии непосредственно революционной ситуации. Если бы они об этом прослышали, о, тогда бы они не довольствовались одними разговорами о романтике, а наверняка стали бы поговаривать, что пора-де перекочевать к социал-демократии.

Именно теперь, в пору замедления революционного развития, важно пропитать наши партии духом ленинизма.

Товарищи, мы должны предвидеть такого рода «повороты» — и уже сейчас дать отпор таким товарищам. Действительно, в Западной Европе в настоящее время нет налицо непосредственно революционной ситуации. Но разве на этом основании надо отказаться от большевизма, пойти на уступки социал-демократии, поставить знак равенства между демонстрацией против дороговизны и революцией? Как-раз наоборот. Именно потому, что приходится переживать тяжелые времена, когда кое-кто пасует, когда кое-кого уже одолевает усталость, когда социал-демократические партии подымают голову, — именно поэтому мы сугубо обязаны проводить целесознательную, решительную, недвусмысленную собственную линию, мы сугубо обязаны быть непримиримыми большевиками. Пусть зарубят это у себя на носу брюннские товарищи.

Товарищи, тот путь, который мы сейчас намечаем для наших партий, отнюдь не приводит к замедлению темпа большевизации, наоборот, он означает ускорение процесса большевизации наших братских партий. Подлинный революционер, подлинный большевик обнаруживает свой настоящий характер как-раз при трудной, бедной эффектами ситуации. Это непрерывно подчеркивал т. Ленин. Стоит только революции вновь пойти на под'ем и особенно одержать победу, как к нам нахлынут новые толпы революционеров. В 1920 г.,

когда ситуация в Германии казалась революционной, мы видели в этом зале господ Криспина и Дитмана. Стоит революции победить, как на нашу сторону перейдут многие — даже буржуазные элементы: буржуазное офицерство пойдет в Красную армию и т. д. Так бывает, когда рабочий класс победил. Для нас важно сделать наши партии большевистскими именно *теперь*, важно именно в нынешний, сравнительно глухой период пропитать их ленинистским духом.

О проблеме партийного руководства.

Я хочу вкратце коснуться еще проблемы партийных руководителей. Правда, выдвигать на собрании руководителей партийных организаций проблему подбора руководителей — вещь иногда щекотливая. Но дело не в суб'ективной стороне вопроса, не в оценке отдельных лиц, а в об'ективном подходе к проблеме, которая составляет тоже целую главу в деле большевизации. В продукте брюнинского творчества имеется такое место:

«Для победы нужно, пожалуй, наличие воли к борьбе не только у генерала, но и в первую очередь в массе».

Великое открытие, глубокая теоретическая мудрость! Воистину, жаль, что мы не имеем счастья видеть у себя этих брюннских «теоретиков», — мы много от этого потеряли.

Но шутки в сторону.

После V всемирного конгресса были написаны две любопытные в известном смысле статьи, к сожалению, по сей день еще не опубликованные. Одна из них принадлежит Тальгеймеру, другая — Крейбиху. В сущности говоря, у авторов обеих статей одна и та же позиция. Обе статьи являются отрицанием линии V конгресса. Один из авторов попрежнему заявляет теперь о своей абсолютной солидарности с резолюциями V всемирного конгресса, но при этом он забывает сущую безделицу, что его статья, о которой идет здесь речь, направлена прямо против резолюций V всемирного конгресса. Я не буду касаться статей в целом, остановлюсь лишь на той части их, где трактуется проблема руководства.

Авторы обеих статей вменяют в вину V всемирному конгрессу, новую теорию и практику подбора вождей, похожих на «неисписанные листы». По их словам, множество старых вождей отстранено от руководства партийными организациями и заменено новичками, представляющими собой, по их мнению, «неисписанные листы». Новички только и делают, что прислушиваются к Москве и творят все, что им прикажут, готовы подписаться подо всем, что им продик-

туют. Вы понимаете, конечно, товарищи, что это значит. Выпад весьма злой. Полемика эта лишена принципиального характера, но она отравляет политическую атмосферу.

Мы должны здесь подойти к вопросу конкретно. Спрашивается: мыслимо ли такое положение вещей, чтобы руководящая верхушка не обновлялась, не освежалась бы последовательным втягиванием в нее новых, свежих элементов, черпаемых из новых слоев? Я отвечаю: нет. Правы ли те, кто утверждает, что мы не умеем ценить старых вождей, имеющих крупный политический опыт? Ни в малейшей мере нельзя считать их правыми. Никоим образом! Почти все наши партии вышли из недр II Интернационала. Так обстоит дело и с русской партией, вплоть до 1918 г. именовавшейся социал-демократической рабочей партией. Мы тоже когда-то входили во II Интернационал. Мы прекрасно знаем, что за одну ночь социал-демократ большевиком не становится. Каждый из вождей проходит процесс более или менее длительного развития. Все мы знаем, что у товарищей, пришедших к нам от социал-демократии, есть как слабые, так и сильные стороны; их сила часто в накопленном ими политическом опыте. Никому из нас и в голову не придет утверждать, что надо избавиться от старых вождей. Каждый об'ективный наблюдатель, наоборот, должен признать, что мы обнаруживаем большую терпимость по отношению к старым вождям; так, например, во французской партии мы сделали все от нас зависящее, чтобы удержать их в своей среде. И мы всегда радовались, когда это нам удавалось. Удавалось это нам и в других странах.

Следует ли отсюда, что мы, более старые работники, — я тоже причисляю себя к ним, — должны зарываться настолько, чтобы стремиться все делать самим, предлагая молодежи обождать? Отнюдь нет. Но и льстить молодым вождям не следует. Мы открыто говорим, что им в политическом отношении многого недостает, что им нужно совершенствоваться и учиться. Мы всегда повторяем им: «Большевизируйся и сам, работай над самим собой». И молодняк нас понимает. Нам нужна своего рода амальгама, органическое соединение лучших представителей старого поколения с даровитейшими представителями нового, пустившего побеги в послевоенную эпоху. В таком соединении мы нуждаемся во что бы то ни стало. Но не всякий «лист» заржавевшего железа годится для амальгамы, — с этим всякий будет согласен. Тов. Ленин в шутку, бывало, говаривал: «Когда человеку перевалит за 50 лет, он обязательно становится оппортунистом» и делал отсюда вывод, что вождей, которым минет 50 лет, надо более или менее сдавать в архив. Мы иногда соглаша-

лись с ним, но требовали исключения — для него самого. Может, однако, оказаться, что во многих случаях придется делать исключения. Будем надеяться, что это так. Те же, кто настолько закоснел, что новая струя новой эпохи проходит мимо них, бесследно для них, пусть посторонятся. Но проблему партийной верхушки только и можно разрешить путем органического сочетания для осуществления партийного руководства представителей двух поколений.

Теория «неисписанных листов» совершенно искажает суть дела. Изобретатель этой теории изображает дело так, будто подбор новых центральных комитетов у нас зависит от настроения и произвола членов президиума Исполкома Коминтерна. На самом деле это, конечно, не так. Причины смены вождей лежат значительно глубже. Они восходят еще к моменту нарождения Коммунистического Интернационала. То обстоятельство, что III Интернационал вышел из недр II, имело свои последствия. Это видно, хотя бы по той борьбе, которую приходится вести многим товарищам с социал-демократическими пережитками своего прошлого. Пусть те, кто поучает нас о необходимости щадить старых вождей, оставят свои поучения для себя. Упрекнуть нас в недостатке терпимости в отношении старых работников отнюдь нельзя. Мы в величайшей мере проявляли ее ко многим товарищам из чехо-словацкой, французской, германской, итальянской и вообще всех наших братских партий. Если мы и заслуживаем какого-либо упрека, то отнюдь не в легкомысленном отметании товарищей старого партийного закала. Точно так же несправедлив и совершенно незаслужен упрек в передаче руководства тем, кто готов подписаться подо всем, что им подсунут.

Таким образом, мы не имеем никакого основания бояться постановки перед рабочими массами вопроса о руководящих кадрах. Тов. Ленин никогда не боялся ставить вопросы открыто. Он вместе с тем учил нас, что без руководящих кадров, сознательно идущих к определенной цели, исполненных решимости, дисциплинированных, не может быть и революционной пролетарской партии. На протяжении десятилетий, вплоть до 1917 г., во всех странах II Интернационала Ленина обвиняли в диктаторских поползновениях. Это было одним из популярнейших обвинений, выдвигаемых против Ленина буржуазией и значительной частью II Интернационала. Все ему кричали: «Ты — диктатор, тебе хочется иметь послушных подданных, ты хочешь поставить свою собственную волю над волей организации». Это было в ту пору, когда Ленин не пользовался еще общим признанием в качестве вождя международного пролетариата. К этим воплям присоединилась и социал-демократия. Мы же

знаем, что без централизованного, дисциплинированного руководства не могла бы и не может сложиться революционная рабочая партия.

В наши дни — замедленного темпа революционного развития— это положение применимо больше, чем когда бы то ни было. А потому, товарищи, мы ни малейшим образом не боимся постановки этого вопроса. ИККИ никогда не подходил к вопросу так: ты согрешил, следовательно, тебя будут преследовать до седьмого колена. Мы говорим так: если ты оппортунист, мы будем с тобой бороться, пока ты не признаешь своих ошибок. Зачастую дело изображают так, будто мы стремимся к унижению товарищей, требуем от них повинной: «я-де согрешил». Никогда ничего подобного мы не требовали. Крейбих в своей статье спрашивает: что это за обычай требовать самоуничтожения того, кто ошибся? Его упрек — сущая нелепость. В мировой партии пролетарской революции не может быть и речи о самоуничтожении. Никто так вопроса не ставил.

В наших тезисах о большевизации партий есть места, подчеркивающие необходимость внутрипартийной демократии. Эта внутрипартийная демократия нужна нам, однако, не для оппортунистов, не для тех, кто требует «свободы критики» в интересах буржуазии. С такими людьми мы будем бороться как с явными врагами. Свободы критики требуем мы для всех товарищей, с которыми мы идем одним путем в деле нащупывания революционной истины.

В статье, посвященной мною молодежи, если не ошибаюсь, опять-таки в Чехо-Словакии, усмотрели новую теорию. Нам навязывают желание заимствовать вождей только и исключительно у Интернационала Молодежи. Придется, как видно, кое-кому из старых вождей спросить себя: «Уж не вступить ли и мне в комсомол?» Комсомолу мы отдаем должное. Он имеет крупные заслуги и способствовал кое-где большевизации наших партий. При нормальных условиях партия воспитывает молодежь, а не наоборот. Партия должна помогать молодежи большевизироваться. Итак, пусть успокоятся те, которые думают, что ИККИ хочет «подбирать» вождей для партии только в Интернационале Молодежи.

VIII. Марксизм и ленинизм.

Большевизация партий должна происходить на почве ленинизма.

Товарищи, весь вопрос о большевизации мы ставим на почву ленинизма. Что такое ленинизм, и какими новыми выводами обогатил он теорию марксизма в целом, — это мы довольно подробно изложили в наших тезисах.

Я вынужден констатировать, что не все товарищи правильно понимают взаимоотношение между марксизмом и ленинизмом. У меня в руках заявление французского товарища, частенько в шутку именующего себя единственным французским марксистом. Я имею в виду Шарля Раппопорта. Речь идет об одном месте в его речи, произнесенной им на последнем с'езде французской партии. Вот как передает это место «Юманите» в № от 19 января:

«Многие товарищи не понимают, в чем сущность большевизации», — заявляет Раппопорт. «Он высказывает сожаление, — добавляет газета, — что наблюдается тенденция к замене марксизма ленинизмом».

Раппопорт сожалеет, что имеется «тенденция заменить марксизм ленинизмом»! Итак: «единственный французский марксист» считает, что мы хотим заменить марксизм ленинизмом. То же слыхали мы недавно из уст Фридриха Адлера. Адлер говорит, что в Коммунистическом Интернационале усиливается тенденция все реже и реже упоминать о марксизме, все чаще и чаще говорить о ленинизме. Фридрих Адлер усматривает в этом доказательство нашего отхода от марксизма. Когда подобного рода сказки рассказывает Адлер, нас это мало трогает. Но весьма печально, когда это делают наши собственные товарищи. Должен, однако, открыто признаться, что у нас в России некоторые марксисты-одиночки высказывают подобные же мысли, что и «единственный французский марксист» Шарль Раппопорт.

Я думаю, расширенному пленуму ясно, в чем тут дело. Пленум понимает, почему мы подчеркиваем значение Ленина. Ленин немыслим без Маркса. Ленин был учеником Маркса. Ленинизм—это и есть подлинный, неискаженный марксизм нашей эпохи. После того как II Интернационал исказил марксизм до неузнаваемости и стал волочить знамя его в грязи, подлинный марксизм остался жить только в ленинизме, а потому и большевизация партий должна происходить на почве ленинизма. Это мы высказали в своих тезисах. Мы будем это проводить и в дальнейшем, как в теории, так и на практике. Мы никоим образом не собираемся отрекаться от славных традиций I Интернационала и даже от многих, действительно ценных традиций II Интернационала. Недопустимо, чтобы французский коммунист не знал, скажем, Гэда и Лафарга, а русский большевик знал бы Плеханова только как оппортуниста и не знал бы, что Плеханов в свое время был учителем Ленина, или чтобы германский коммунист забывал то ценное, что дала социал-демократия в раннюю, революционную эпоху своей деятельности. Мы не уступим нынешним со-

циал-демократам Вильгельма Либкнехта и Бебеля времен «исключительного закона против социалистов». То, что есть подлинно-марксистского в революционных традициях старой польской демократии, мы также должны бережно хранить, как ценнейшее историческое наследие. То же надо сказать и о союзе «Спартак». Но было бы коренной ошибкой считать всех спартаковцев предуготованными вождями, которых не полагается, мол, спрашивать, как они смотрят на «саксонскую» политику или октябрьские события 1923 г. Так не годится, товарищи. На основании старого патента мы не можем предоставлять «карт-бланш» всем спартаковцам. Но уже совсем не подобает кому бы то ни было кичиться тем, что «мы, слава богу, не спартаковцы». Мы умеем ценить и то хорошее, что дали нам левые независимцы в Германии. Левые независимцы привели в нашу партию массы. Но, с другой стороны, им свойственны были столь крупные слабости, что преодолеть эти недостатки удалось лишь после ряда кризисов. Мы должны учиться об'единять под знаменем революционного марксизма то ценное, что дали нам в свое время как союз «Спартак», так и левые независимцы.

Каждый молодой рабочий должен ясно отдавать себе отчет в том, что коммунистическое движение выросло на плечах нескольких предидущих поколений, — поколений, которым были присущи как слабые, так и сильные стороны. Коммунистический Интернационал появился на свет внезапно. Он стоит на фундаменте, сооруженном революционерами прежних поколений. Величайший ученик Маркса, Ленин тщательно изучал теорию и практику старых поколений революционеров и воспитывал новое поколение в духе преклонения перед историческими подвигами тех, кто подготовил почву Коммунистическому Интернационалу. Ленин всегда настойчиво указывал нам на уроки, которыми мы обязаны успехам и неудачам тех, кто боролся раньше нас. Коммунизм ведет свое начало не от 1919 года, не с момента основания Коммунистического Интернационала, — у него имеется и более раннее, славное и обширное прошлое. С этим прошлым надо знакомиться, его надо изучать, а таким знакомством и изучением у нас обычно пренебрегают. В этом отношении замедление темпа развития революции имеет и свою положительную сторону, заключающуюся в том, что мы тоже используем передышку, которую дарует история буржуазии. Передышка пойдет впрок рабочему классу, поскольку будет использована для углубленного самоизучения, хотя бы нашими университетами в это время и оказались тюрьмы. Но и планомерное изучение при помощи курсов, партшкол, кружков и т. д. приобретает в наши дни сугубое значение. Мы ис-

пользуем эту передышку не только для более совершенного построения наших организаций, но и для учебы, для работы над самими собой, мы используем ее для того, чтобы выработать из себя подлинных коммунистов, таких, какими представлял их себе тов. Ленин. Это — одна из задач большевизации.

Через все препятствия и трудности — вперед!

Резюмирую сказанное. Товарищи, мы вынуждены были констатировать ряд не совсем отрадных фактов, мы должны были отметить у себя многие недостатки и недочеты. Мы должны прямо смотреть в глаза истине. Мы должны признаться, что вопрос о сроках революции подлежит дальнейшему пересмотру. Мы раньше исчисляли иногда время месяцами, теперь мы вынуждены исчислять его годами.

Мы определенно должны сказать, что в некоторых странах непосредственно-революционной ситуации налицо сейчас нет. Мы должны отдать себе отчет в том, что мы вступаем в стадию *длительной* и упорной работы по большевизации наших партий. Ленинизм не свалится для наших партий готовеньким с неба.

Нам предстоит серьезная борьба против опасностей. Лозунг большевизации и возник в борьбе против правых тенденций. Он и в дальнейшем будет стоять, главным образом, под знаком борьбы против правых, — разумеется, и против ультра-левых, — уклонов, против упадочности, которая местами начинает над нами тяготеть. Достаточно указать на пример Брюнна. Возможно, что и в других странах обнаружатся подобного рода явления. Этого надо ждать именно теперь, в виду обозначившегося замедления темпа революционного развития. В ряде наших партий большинство составляет масса, пришедшая к нам из социал-демократических организаций. Особенно сильно это обстоятельство с его последствиями сказывается сейчас в Чехо-Словакии, где 73 процента членов партии — бывшие социал-демократы. Таково же, думается мне, процентное соотношение и в германской партии. Такое же соотношение мы имеем и во многих других партиях. Разумеется, мы можем гордиться тем, что разбиваем социал-демократию и отбираем у нее рабочих. Мы будем отрывать рабочих от социал-демократии и дальше. Но одного привлечения их на нашу сторону еще недостаточно. Надо этих рабочих перевоспитать, сделать из них революционеров — подлинных ленинцев, большевиков.

Темп революции замедлен. Но не следует искать в этом факте оправдания или об'яснения наших собственных ошибок и недостат-

ков, нашей идеологической инертности, оправдания тому, что не изжиты еще социал-демократические традиции. Рабочие, перешедшие от социал-демократии к коммунистической партии, — превосходные пролетарии. И в Брюнне рабочие наверняка в 99 случях из ста серьезно преданы коммунизму и Коммунистическому Интернационалу. Но их развращают люди, по существу оставшиеся социал-демократами и смешивающие битье оконных стекол с революцией. Должен сказать, что, если нам придется «разбить пару оконных стекол» у таких оппортунистов, мы сделаем это с удовольствием.

Я должен заявить, товарищи, в заключение следующее. Линия наша в общем и целом остается прежней, как прежними, до конца преданными нашему делу остаемся мы и сами. Применяться к новой ситуации, оставаясь верным марксизму, — это далеко не оппортунизм. Это — революционный долг коммуниста. Путь до победы еще далек. Путь мировой революции длинен. Нам ранее казалось, что через пяток лет мы уже будем у цели. Мы пустились в путь и скоро поняли, что путь этот гораздо более каменист, и тернист, чем это казалось нам вначале. Нам пришлось устранять камни и выкорчевывать пни, преодолевать все новые и новые препятствия, порою отступать, готовясь к новому прыжку с разгона. Мы убедились, что нам предстоит преодолеть еще значительные трудности. Что же, выполним и это! А направление пути остается прежним, воля наша непоколебима, как и наша великая цель. Мы сумеем устранить с нашего пути камни и пни, мы расчистим себе дорогу, мы достигнем той цели, которая заполняет глубоким смыслом и прекрасным содержанием всю нашу борьбу. Мы осуществим коммунизм! (Бурные рукоплескания).

О „стабилизации“ капитализма и мировой революции [1]).

Неверные выводы из нашей оценки и ликование в стане врагов.

Товарищи, в докладе Исполкома мы говорили не только о стабилизации хозяйства Советского Союза, но и о частичной стабилизации капитализма в отдельных странах Европы. Наше заявление в его последней части вызвало, повидимому, целую сенсацию почти всюду в Европе, да и кое у кого здесь в Москве. Вообще заявление относительно частичной стабилизации капитализма, как видите, творит чудеса. В некоторых буржуазных кругах — я отношу сюда же и германскую социал-демократию — сенсация особенно велика. Слышатся ликующие голоса: слава богу, революции больше не бывать. В предвыборной кампании германская социал-демократия выпустила на-днях листовки, начинающиеся словами: «Всемирная коммунистическая революция невозможна. Это признал Зиновьев». Итак, царит великая радость.

Коммунистический Интернационал стоит перед новой, довольно трудной обстановкой. Нам, товарищи, надо действительно уделить серьезное внимание вопросу о стабилизации капитализма. Некоторый минимум ошибок неизбежен, но не надо этим злоупотреблять.

Иные из наших товарищей уже и сейчас склонны делать преувеличенные, а то и ложные выводы из высказанного положения о частичной стабилизации капитализма в некоторых европейских странах. Говоря о частичном под'еме капитализма, мы нисколько не отказываемся от общей нашей концепции, признававшей, что с 1917 года мы вступили в *период мировой революции*. Это, оче-

[1]) Заключительное слово на расширенном пленуме ИККИ 4 апреля 1925 г. Перевод с немецкой стенограммы.

видно, многие начинают уже забывать. Наш отправной пункт остается прежним. Мы и сейчас считаем, что переживаем *период, эру мировой пролетарской революции,* одержавшей в 1917 году свою первую победу.

Классовая борьба последних лет пропитывается элементами гражданской войны.

Уже делаются попытки истолковать наше положение о частичной консолидации в некоторых европейских странах капитализма в том смысле, будто революция вообще уже свелась на-нет. Любителям преувеличивать не мешало бы принять холодный душ. Это помогло бы им понять, что Европа еще не весь свет, а Германия — не вся Европа. Нельзя забывать, что, говоря об отсутствии непосредственно-революционной ситуации в Германии, мы имеем в виду лишь данный момент. Почему мы констатируем отсутствие непосредственно-революционной ситуации именно в Германии? Да потому, что не дальше, как года полтора тому назад, такая ситуация *была* в Германии налицо. Произошли изменения. Надо их учесть. Но отнюдь не значит, что революция в Германии ликвидирована.

Даже буржуазия не станет утверждать теперь, что капитализм вернулся к «нормальному» довоенному положению. Но если даже допустить подобное преувеличение, тогда возникает вопрос: что же было до войны? Была опять-таки подготовка войны, была классовая борьба, постепенно обострявшаяся до степени гражданской войны. В данный момент непосредственной гражданской войны в Европе не происходит. Но в Европе протекает непрерывная классовая борьба. А классовая борьба послевоенной эпохи отнюдь не менее остра, чем классовая борьба до войны. Наоборот, почти всюду в европейских странах классовая борьба после войны пропитывается элементами гражданской войны. Чем отличается классовая борьба 1925 года от классовой борьбы 1910—12—13 годов? Неужто более мирным характером? По-моему, наоборот, нынешняя классовая борьба *более* пропитана элементами гражданской войны и носит более острый характер, чем до войны.

Империализм обуздан некоторым страхом перед Коминтерном.

Допустим на момент, что капитализм консолидировался настолько, что вернулся к «нормальному» довоенному положению. Но и в этом случае для марксиста не тайна, что классовая борьба

крайне обострилась еще до войны, что и тогда она местами переходила в гражданскую войну, отзвуки которой еще долго слышны были во всем мире.

Товарищи, вот уже целых шесть лет, как Европа не воюет. Это что-нибудь да значит. Мы не можем предугадать, когда вспыхнут новые войны, но что они предстоят,—порукой тому весь капиталистический строй, даже и при наличии временной стабилизации его. Империалисты чуточку побаиваются Коммунистического Интернационала, авангарда мирового пролетариата. Косвенно это видно из того, как реагировали империалисты и их лакеи — социал-демократы — на наше заявление относительно отсутствия непосредственно-революционной ситуации в некоторых странах. Ясно, что господа эти чувствуют себя не совсем прочно в седле. Они боятся вызвать демонов войны, так как им приходится очень и очень задумываться над тем, какие силы в момент начала войны бросит на чашу весов Коммунистический Интернационал, как ответит на войну авангард мирового пролетариата. Они знают, что теперь у нас будет не один Либкнехт, а тысячи и тысячи Либкнехтов.

Товарищи, можно сказать, что империализм, в данный момент царящий над миром, в господстве своем отчасти ограничен страхом перед Коммунистическим Интернационалом, перед авангардом мирового пролетариата. С этим огромным фактом нам придется еще неоднократно встретиться в процессе развития дальнейших событий.

Товарищи, итак, во избежание недоразумений, я должен повторить то, что уже говорил в своем докладе. Если брать не только Европу и не только один уголок ее, скажем, Германию, — хотя этот уголок и чрезвычайно важный, — если, говорю я, брать картину мира в целом, — положение приходится и теперь признать об'ективно-революционным. В некоторых частях света оно обостряется со значительной быстротой.

«Стабилизация» в Англии и пессимизм Ллойд-Джорджа.

Товарищи, одновременно с нашими дебатами здесь происходила весьма любопытная дискуссия и в английском парламенте, где Ллойд-Джордж на-днях тоже говорил о стабилизации в Англии. Англия не принадлежит к числу беднейших и второстепенных стран Европы. Что же говорит Ллойд-Джордж? Газета «Таймс» так передает его речь [1]):

[1]) «Таймс» от 27 марта 1925 г., № 43921.

«Он (Ллойд-Джордж) не видит никаких признаков подлинного восстановления хозяйства. Если члены парламента читали за последние дни экономические приложения к «Таймсу», «Манчестер Гардиен» и статьи «Дейли Ньюс», т.-е. три газеты в корне различного характера, они должны были заметить, что все три смотрят на будущее чрезвычайно пессимистично... Если положение не изменится и в дальнейшем, он воистину ни за что не может поручиться. Он не считает такое положение результатом капиталистической системы, но если выхода найдено не будет, то рабочий класс поддастся уверенности, что положение это есть именно результат капиталистической системы. Он—не пессимист, но если ничего радикального не произойдет, катастрофа неизбежна».

Так говорил Ллойд-Джордж во время прений в английском парламенте 26 марта.

Англия — оплот капитализма в Европе, и там-то мы слышим заявления в роде только-что зачитанного.

Положение во Франции, на Балканах, в Польше.

Возьмем теперь такую страну, как Франция. Произошла ли во Франции такая же стабилизация? Если Ллойд-Джордж признает, что стабилизация подвигается в Англии довольно медленно, то относительно Франции ни в политическом, ни в экономическом отношении даже и этого сказать нельзя.

Установилось ли равновесие на Балканах? Что-то не похоже, товарищи. Разумеется, то обстоятельство, что ситуация в Центральной Европе не является сейчас непосредственно-революционной, отражается до некоторой степени и на Балканах. Но на Балканах стабилизации нет. А Балканы имеют огромное значение для Европы. В начале всемирной войны они сыграли весьма большую роль.

Теперь возьмем Польшу. Наступила ли стабилизация там? Отнюдь нет. Вся картина жизни в Польше вопиет против подобного предположения.

План Дауэса и временная стабилизация в Германии.

Что касается Германии, то все мы, полагаю, одинаково расцениваем значение плана Дауэса и неизбежные последствия его применения в Германии. Мы считаем, что наблюдаемые сейчас в Германии явления стабилизации преходящи и что придет новое обострение положения и там. Если уж быть точным, то надо сказать: стабилизация в Германии началась еще с 1924 года, сейчас мы

наблюдаем некоторые ее результаты, но на-ряду с этим мы видим в Германии и начинающееся оживление и обострение классовой борьбы. Конечно, мне могут сказать: почему же вы в 1924 году не говорили, что положение в Германии уже стабилизировалось? Да именно потому, товарищи, что точно определить сроки невозможно: недаром Ленин вплоть до 1907 года включительно настаивал на том, что вторая русская революция придет очень скоро. Теперь-то, задним числом, ясно, что первая русская революция завершилась уже в декабре 1905 года и что 1908—09—10 годы были годами некоторой «стабилизации» русского царизма, монархии и служивших ей оплотом классов. Но единственная революционная партия Европы — большевики — на протяжении всего 1906 и почти всего 1907 года продолжала настаивать, что мы непосредственно стоим перед второй революцией. Большевики знали, и Ленин это подчеркивал, что решают дело не только факторы объективные, но многое зависит и от самого рабочего класса, от его партии, т.-е. от фактора субъективного. Долг революционера состоит в том, чтобы бросить на чашу весов все силы, пока целый ряд фактов не доказал, что количество перешло в качество, что враг стабилизировался, и что надо теперь избрать иные пути.

История показывает ускорение темпа революционного развития.

Сколько же времени будет длиться нынешняя стабилизация? Какой промежуток времени она захватит в Германии и в других странах? Точно этого никто сказать не сможет. Можно лишь попытаться нащупать ответ путем сопоставления различных явлений. Нарастание темпа мирового революционного развития теперь вообще происходит гораздо быстрее, чем раньше. Это все мы видим. Обращаясь к историческим революционным датам, мы видим, что великую французскую революцию 1789 года от революции 1848 года отделяют почти 60 лет. Затем дело идет скорее, и Парижскую Коммуну 1871 года от революции 1848 года отделяют лишь 20 с лишним лет; чуточку больший период далее отделяет революцию 1905 года от 1871. Промежуток между 1905 г. и 1917 г. уже гораздо меньше. В последующие годы 1917 — 1925 — последние 8 лет — развитие происходит очень быстро, хотя и не так ускоренно, как нам бы этого хотелось. Как долго еще продлится нынешняя межреволюционная полоса? С 1917 и до какого года? Точного ответа не даст никто. Но общая линия видна. Бег истории все более и более

ускоряется. Темп исторического развития вообще, темп революционного развития делается в общем все более быстрым.

Каково ныне общее политическое положение рабочего класса? Мне приходилось уже слышать плачевные выводы в отношении отдельных стран. Исходя из того, что непосредственно-революционной ситуации в некоторых странах сейчас нет, иные заявляют, что рабочий класс разбит, распылен, и что потребуются годы, пока он вновь соберется с силами.

Рабочий класс в эпоху прежних революций.

Сравним же общее положение рабочего класса ныне с положением его в эпоху прежних революций. В борьбе 1848 года первые вспышки пролетарского движения были настолько основательно потоплены в крови рабочих, что возрождения революционного движения приходилось ждать целое поколение. Затем — Парижская Коммуна 1871 года. После разгрома Коммуны в Париже трудно было найти неосиротевшую рабочую семью. Велик был тогда упадок духа во французском пролетариате, и все же не прошло и десятилетия, как французский рабочий класс снова воспрянул к борьбе. Десять лет спустя после Парижской Коммуны французское рабочее движение уже оправилось от нанесенного ему удара. Вспомните затем революцию 1905 года в России: она тоже была подавлена и потоплена в пролетарской крови. Наступил тяжелый кризис. Рабочему классу России пришлось иметь дело с жестоким врагом. Однако, не прошло и десятилетия, как русский пролетариат вновь встал на ноги и победоносно повел борьбу.

Рабочий класс не разбит.

Обратимся к Германии. Возьмем 1918 — 1923 годы. В эту пору германский пролетариат бился за революцию. Борьба шла не по неуклонно восходящей прямой, она протекала с перебоями и сопровождалась тяжелыми потерями со стороны рабочего класса. В европейском рабочем движении самые тяжелые жертвы за это время выпали на долю пролетариата германского. И, однако, что наблюдаем мы теперь в Германии, в стране, проходящей через полосу некоторой стабилизации капитализма? Разве есть там в рабочем классе что-либо подобное таким повальным настроениям отчаяния и упадка, сопровождавшим 1848 и 1871 годы? Ничего подобного! Значительный слой рабочего класса Германии сохранил

свою бодрость, не теряет выдержки и в самой трудной обстановке непоколебимо идет за коммунистической партией.

А в других странах — во Франции, в Чехо-Словакии, в Польше? Видим ли мы там разбитый, раздавленный пролетариат, который может возродиться для революции лишь через долгий ряд лет? Ничего подобного! Положение здесь иное: рабочий класс только пытался произвести революцию, но он не переходит еще к решающим боям. Ни в одной из стран Европы нет, ведь, такого положения, когда рабочий класс после тяжелой борьбы разбит на-голову, когда, пожалуй, нужно ожидать, пока подрастет новое поколение. Этого нет! Мы видим лишь, что силы рабочего класса еще не созрели, еще недостаточны для того, чтобы одержать победу над буржуазией; но рабочий класс ни в коем случае не обезглавлен, не разбит, не подавлен, не затоплен волнами белого террора. Положение там совершенно отлично от положения в Венгрии или Финляндии, где царил белый террор; но — стоит это отметить — даже и в таких странах, как Венгрия, Финляндия, Эстония, несмотря на бушующий там террор, достаточно лишь нескольких лет, чтобы пролетариат вновь воспрянул к борьбе.

Товарищи, я говорю все это, дабы предостеречь вас от неверной оценки современного политического положения и состояния международного рабочего движения. Допустим, что в стране, где год тому назад клокотал революционный котел, ситуация перестала быть непосредственно революционной. Это обстоятельство отнюдь не должно служить причиной возникновения и роста упадочных настроений в нашей среде, оно не может привести нас к мысли, что всюду в Европе разбито на-голову все наше поколение рабочего класса, как это было после 1848 и 1871 годов.

Рабочий класс имеет крепкий революционный тыл — СССР.

Я набросал семь пунктов, характеризующих особенности текущего момента, применительно к интересующему нас вопросу.

Первое. Возьмем полосу до 1917 года. Рабочий класс различных стран боролся тогда изолированно. Мы не можем отметить в этот период ни в одной стране ни одной более или менее решительной победы пролетариата. Каково же положение сейчас? Теперь международный пролетариат одержал в одной из стран более или менее окончательную победу. Я имею в виду СССР, шестую часть земного шара. Громадное значение имеет тот факт, что международный рабо-

чий класс, что отдельные части рабочего класса, борющиеся против мировой буржуазии, имеют за собой опорный пункт, своего рода революционный тыл. Этот факт сам по себе имеет мировое историческое значение и ясно показывает, что нынешнее положение нельзя просто приравнивать к кризису, имевшему место после 1848 или 1871 годов. Итак, первый факт — победа, хотя и не окончательная, рабочего класса одной страны, создавшая для международного пролетариата революционный тыл.

На помощь мировому пролетариату идет Восток.

Вторым фактором является Восток. Социал-демократы изощряются в остротах по поводу того, что вот, дескать, наивные люди намерены в Китае теперь произвести революцию. Но дело в том, что Китай имеет 400-миллионное население, что он подлинно может приобрести и приобретает мировое историческое значение, что мировой капитализм сейчас уже не может овладеть этой величайшей стихией, приходящей в движение.

Передовые отряды европейского пролетариата, разбитые генералом Галифе в Париже или даже позднее царизмом в 1905 г. в России, сражались одиноко, не находя прямой поддержки в остальной Европе и в колониях. Пробуждение Востока кладет конец такой изолированности рабочего класса; на историческую арену выбиваются новые силы, приобретающие крупнейшее значение для всего революционного движения.

Война революционизировала широчайшие массы рабочих и крестьян.

Третье. Мы пережили всемирную войну и живем в период подготовки новой. Всюду в Европе произошло пробуждение широчайших масс, в том числе крестьянства. После империалистической войны массы уже не те, что до нее. Всемирная война сыграла роль величайшего «политического университета» для международного пролетариата и крестьянства. Накопленный рабочим классом, прошедшим во время мировой войны через горнило страданий, политический опыт должен неизбежно стать противоядием против любого идеологического кризиса в пролетариате. Этой яркой чертой также отмечена наша эпоха в отличие от прошлого.

Пролетариат живет в атмосфере гражданской войны.

Четвертое. Классовые противоречия нашей эпохи, как я уже отмечал в своем вступлении, проникнуты элементами гражданской войны. До 1917 года европейский пролетариат о гражданской войне только поговаривал, да и то не часто, да и то не ясно. С 1917 по 1925 год почти весь европейский пролетариат *живет* в обстановке, в атмосфере гражданской войны. Он меньше страшится кровавых боев. Всем вам знакома психология рабочих масс, создавшаяся со времени войны почти всюду в Европе.

Пробуждение крестьянства.

Пятое. Пробуждение крестьянства. Одной из причин гибели Парижской Коммуны явилось враждебное отношение крестьянства к рабочему классу. Российский пролетариат потерпел в 1905 году поражение в первую голову потому, что русское крестьянство шло еще тогда против рабочего класса. Во всех прежних революционных боях крестьянство не только не занимало нейтральной позиции, но часто относились к рабочим прямо враждебно. Иное положение начинает занимать крестьянство в наши дни. Самые рядовые рабочие должны сейчас инстинктивно почувствовать, что они не так уже изолированы и одиноки в своей борьбе, как ушедшие поколения.

Революция не разбита.

Шестое. Мы не прошли полосы разбитых на-голову революций. Во всей Европе положение характеризуется лишь недостаточной еще зрелостью сил рабочего класса для совершения победоносной революции.

Седьмое. Революционный рабочий класс имеет теперь свой боевой штаб — Коммунистический Интернационал, воплощающий опыт революционного движения и оказывающий большую помощь отдельным отрядам международного пролетариата. В былые времена об этом еще не было и речи.

Тактика большевизма после революции 1905 года.

Таково, товарищи, об'ективное положение вещей, и я решительно восстаю против того, чтобы кто-либо ушел с нашей сессии с таким настроением, что, мол, наступила консолидация капитала,

рабочий класс повержен в прах, господствует идеологический кризис, надо начинать чуть ли не все сначала, партии неминуемо сократятся, кризис неизбежен в каждой стране. Товарищи, дело обстоит далеко не так.

После поражения первой русской революции 1905 года большевики в течение всего 1906 года спорили с меньшевиками по вопросу о сущности переживаемого периода. Вопрос ставился так: переживаем ли мы период, подобный 1847 или 1849 году, т.-е. находимся ли мы накануне новой буржуазной революции или уже перешагнули через нее? Меньшевики утверждали, что мы переживаем 1849 год, что царизмом одержана решительная победа, что устанавливается конституционная монархия, что царизм и часть крупной буржуазии разрешили задачи русской революции сверху. Мы должны, — говорили они, — отныне строить нашу партию по образцу европейской легальной социал-демократии и бороться за реформы, а «конечная цель» будет достигнута лет 50 спустя.

Большевистская партия, с Лениным во главе, держалась того мнения, что Россия переживает не 1849, а 1847 год. 1905 год она считала лишь репетицией. Грядет вторая революция, ибо царизму и крупной буржуазии не разрешить задач революции сверху. Это утверждали мы в 1907 году, и в 1908, и в 1909 и т. д., и т. д., вплоть до 1917. 1917 год от 1906 года отделяло десятилетие слишком. В течение всего этого десятилетия русские меньшевики и меньшевики международные злорадствовали: «А, что? Вы говорили, что это не 1849 год, вы утверждали, что не сегодня — завтра произойдет вторая революция? Где же она, эта ваша революция? Мы ее что-то не видим». «Большевики — фантазеры; идите же в нашу лавочку», — зазывают рабочих социал-демократы. Мы же говорили им тогда, говорим и теперь: пробьет наш час, когда мы посадим вас за решетку вместе с господами буржуа, и вам придется скрежетать зубами, видя, как победоносно развевается наше красное знамя. Эти 10—12 лет были для нас годами испытания. Не всякий склонен был верить, что правы все же большевики. История подтвердила нашу правоту.

Повидимому, — полную параллель здесь, конечно, нельзя провести, — в данный момент мы переживаем нечто подобное в международном масштабе. Господа социал-демократы, да и малая толика в наших рядах, утверждают, что рабочий класс переживает теперь в международном масштабе 1849 год, что впереди, таким образом, предстоит совершенно новая длительная эпоха консолидации капитализма на целые поколения. Мы же утверждаем, что нынешнее по-

ложение подобно не 1849 году, а промежутку между 1905 и 1917, равному 12 годам. Из этих 12 лет в Германии уже оставлены позади 6 лет. Если считать, что историческое развитие в международном масштабе протекает приблизительно так же, как в национальном масштабе до 1917 года в России, то и тогда нам остается перевалить всего лишь через несколько лет, а никак не через целую эпоху, которая, будто бы, окажется отмеченной полной победой международной буржуазии. Разумеется, если рабочему классу трудно было перевалить через эту полосу развития в рамках одной страны, то тем труднее проходить через нее в международном масштабе, где само по себе положение пестро, разнокалиберно, ибо в некоторых странах буржуазия окрепла больше, в других — меньше. Но я считаю, что надо определять международное положение так, как большевизм оценивал обстановку, создавшуюся после первой революции в России. Тем более, что налицо, как я уже говорил выше, целый ряд моментов, в широком международном об'еме благоприятствующих нам, нашей борьбе.

Уроки президентских выборов в Германии.

Я должен в нескольких словах остановиться специально на вопросе о Германии, потому что на долю Германии выпала сомнительная привилегия считаться страной, где в деле консолидации капитализма буржуазия достигла сейчас особого успеха, а также и потому, что самые горячие бои разыгрывались в последнее время как-раз в Германии.

Некоторые товарищи уже говорили здесь о президентских выборах. Пару слов о них. Мы потеряли на выборах довольно много голосов. Об'ясняется это отчасти тем, что рабочий класс вообще интересуется выборами президента меньше, чем выборами в рейхстаг. Мы видели, что и в Америке, и в Финляндии многие из наших сторонников не принимали участия в выборах президента. И социалистическую партию Америки, когда она была еще социалистической, на прежних выборах президента постигла такая же участь. В выборах президента вообще участвует меньше народу.

Но этого об'яснения недостаточно. Есть здесь еще один момент, который требует большого внимания с нашей стороны.

В Германии сейчас возникает на время альтернатива: буржуазная республика или монархия. Разумеется, для нас, коммунистов, главное противопоставление: пролетарская диктатура или буржуазные государственные формы. Этим коммунисты отличаются от всех

прочих партий. Такая точка зрения для нас неизменна. Но может возникнуть и такое положение, когда альтернатива «буржуазная республика или монархия» на некоторое время оживает и приобретает для масс актуальное значение в той или иной стране. Таково теперь положение в Германии. В этой фазе исторического развития вопрос о диктатуре пролетариата имеет лишь пропагандистское значение. Рабочие Германии инстинктивно чувствуют, что теперь в их стране ставится ребром вопрос о буржуазной республике или монархии. Боясь, как бы к прелестям плана Дауэса не прибавились ужасы монархии, они голосуют за социал-демократов, ища в этом спасения. Если наша партия этого не поймет и не сумеет подойти к вопросу по-большевистски, мы и дальше будем терять приверженцев. Дело тут не в количестве голосов — с потерей голосов можно здесь еще мириться — дело в опасности отчуждения от некоторых слоев самого пролетариата. Мы должны действовать так, чтобы быть как можно ближе к пролетариату.

Мне довелось слышать, как товарищи говорят: а разве нам не все равно, победит ли черно-красно-золотое знамя буржуазной республики или черно-бело-красное знамя монархии?

Нет, не все равно. Это — не марксистская постановка вопроса. Такой подход напоминает старые споры марксистов с лассальянцами (вернее, с вульгаризаторами лассальянства).

Какой вывод мы должны сделать из того факта, что 8 миллионов голосов подано за социал-демократию? Вывод ясен: вопреки накопленному опыту, пролетариат все еще не понимает, что социал-демократия — «третья» партия буржуазии. Мы должны стараться высвободить рабочий класс из пут буржуазии. Но различие между монархией и республикой мы должны видеть. Для классовой борьбы пролетариата буржуазная республика является почвой более благоприятной, чем монархия. Не потому, конечно, будто республика стремится к гражданскому миру, а потому, что эта форма правления ярче всего вскрывает подлинный классовый характер буржуазии. Теперь мы уже знаем, что и всеобщее избирательное право стало в руках буржуазии оружием в классовой борьбе против пролетариата. Но мы должны понимать, что при выборе между буржуазной республикой и монархией пролетариат не может оставаться безразличным. Если наша братская германская партия сумеет уяснить эту идею пролетариату, то это облегчит ее положение в период революционного затишья.

Я имею уже подробные данные о ходе президентских выборов в Германии. Из цифр видно, что в некоторых рабочих центрах со-

циал-демократия отняла у нас известное количество голосов. Так было в Берлине и даже в Галле, где раньше мы всегда имели большинство. В Галле за нас было подано теперь 20 процентов голосов, за социал-демократов — 21,4 процента. И это в Галле, где полиция лишь на-днях стреляла в собрание рабочих в закрытом помещении, — в Галле, где цитадель коммунизма.

Для рабочего класса большое несчастье, что он еще находится в идеологической зависимости от буржуазии и, следовательно, также от социал-демократии. Но должно ли это нас обескураживать? Должны ли мы предполагать, что это является признаком глубокого духовного кризиса рабочего класса, и что он еще долго, быть-может, на протяжении десятилетий, будет гнуть спину под игом буржуазии? Нет, товарищи. Это только означает, что мы должны вести более длительную и более упорную борьбу за революцию, что значительные части наиболее передовых отрядов рабочего класса, — я причисляю германский рабочий класс к самым передовым, — пройдут еще через ряд неудач и поражений. Это принуждает нас считаться с психологией обуржуазившихся частей рабочего класса, не в том смысле, что мы этой психологией проникаемся, а в том смысле, что мы попытаемся ее лучше понять, чтобы легче вытравить из умов рабочего. Мы не можем сказать: 1.800.000 коммунистов у нас есть, и лишь с этой основной нашей колонной мы будем считаться. Эти 1.800.000 коммунистов — наша закрепленная позиция, наш железный кадр, цвет рабочего класа, рычаг мировой революции. Без этого кадра мы — ничто. Это так. Но весь вопрос,—как завоевать остальную массу? Для этого мы должны знать, где жмет сапог. Но не следует понимать это так, что мы будем плестись в хвосте и мириться со всеми недостатками рабочих масс.

Какие факторы ускоряют революционный процесс в Германии?

Я полагаю, что эта пауза в революционном движении, если можно говорить о ней в такой стране, где так часто происходят большие уличные демонстрации, крупные классовые бои, будет не особенно продолжительна. В России первая и вторая революции были отделены одна от другой промежутком в 12 лет. Этот промежуток был так непродолжителен благодаря тому, что революционный процесс в России ускорялся двумя факторами: 1) подходила новая война и 2) тем обстоятельством, что царизм не был в состоянии разрешить аграрный кризис. Крестьянство развивалось в сторону революции.

В Германии действуют три фактора, тоже большого значения:

1) Последствия поражения в мировой войне продолжают действовать. Германия остается добычей Антанты. Мирное международное разрешение вопроса не найдено.

2) В Германии рабочий класс гораздо сильнее, чем в России. В Германии численный состав рабочего класса выше почти втрое.

3) Германская революция развивается в атмосфере международной революционной борьбы и ожесточенных конфликтов, которые должны привести к новым мировым войнам.

Мы можем от души посмеяться над тем, что пишут разные пресмыкающиеся из «Форвертс»: «С мировой революцией покончено, сам Интернационал подтверждает это». Вы, германские друзья и товарищи, имейте лишь крепкие нервы. Нас в России 12 лет (с 1905 по 1907 г. г.) обстреливали такими статьями. Каждому большевику, который шел в тюрьму или на каторгу, меньшевики злорадно бросали: «Ты идешь в тюрьму, ты приговорен к каторжным работам только потому, что большевистская партия делает глупости, потому, что она держится романтической тактики. Ты идешь в тюрьму напрасно, — революции нет и не будет, ты даром жертвуешь своей жизнью». Наши лучшие борцы это слышали на каждом шагу из меньшевистского лагеря. Но они были тверды, они говорили себе: «Нет, не все кончено, надо держаться, нельзя верить этим лакеям буржуазии». Товарищи, мы можем спокойно ответить «Форвертс»: «Дайте срок, наступит момент, когда мы скажем: покончено не с революцией, покончено с социал-демократией!».

Приемы Радека в речи Крейбиха.

Товарищи, я хотел бы еще остановиться на некоторых местах из речи тов. Крейбиха. Крейбих, собственно, говорил здесь, как заместитель тов. Радека. Это мы все хорошо поняли. Отсюда и некоторые специфические приемы в его речи, которые мы хорошо знаем у Радека: всякие россказни о «личностях» и разногласиях, гадания насчет того, существуют ли эти разногласия, или нет. Тов. Бухарин сказал уже от имени нас всех, что все — это пустые разговоры. В речи тов. Крейбиха проявилась «стратегия» Радека, полагавшего, что теперь можно отважиться на кой-какие шаги. Из некоторых оглашенных здесь документов вы могли лучше всего видеть цену этим соображениям. Я не стану на этом больше задерживаться. Я вполне присоединяюсь к сказанному здесь тов. Бухариным. Думаю, что то же сделаете и вы.

Азбуку коммунизма Крейбих принимает за «механическую теорию катастроф».

Перейду к некоторым принципиальным вопросам, затронутым в речи Крейбиха. Крейбих на пленуме, как и в чешской комиссии, позволил себе роскошь, которую не позволяют себе его единомышленники: достаточно открыто высказать то, что он думает. Поэтому он довольно откровенно грозил расколом и выступал с речами, которые звучали так же, как некогда выступления в этом зале Криспина и Пауля Леви.

Крейбих говорит: Зиновьев заявляет, что капитализм смертельно ранен. Значит, Зиновьев — за механическую теорию катастроф! И — что еще ужаснее — это не только «механическая теория катастроф», это — «элемент люксембурганства». Тов. Крейбих, не забудьте, что от Розы Люксембург исходит много хорошего. Я должен сказать, что старый башмак Розы Люксембург все же стоит больше, чем весь «радекизм» и «крейбихизм», вместе взятые. Мы критикуем многое в теории и практике покойной Розы Люксембург, прежде всего потому, что мы уже прожили еще 6 — 7 лет после смерти и имеем уже опыт русской революции и революции германской. Мы критикуем ее ошибки, но это не мешает нам видеть то великое, что было в Розе Люксембург.

Моему положению Крейбих противопоставляет другое положение, высказанное тов. Лениным. Он говорит: «Ленин на II всемирном конгрессе заявил, что для капитализма нет безвыходного положения, если пролетариат и его партия не спихнут его в яму, т.-е. не сделают революции».

Так как я не повторил этого, то я, видите ли, идолопоклонник «катастроф». Это смешно и нелепо! Ведь, я делал доклад именно по вопросу о большевизации партий. Что означает большевизация партий? Она означает подготовку авангарда пролетариата к пролетарской революции. Отсюда следует, что мы отлично понимаем роль суб'ективного фактора, значение рабочего класса и его партии в революции. Конечно, при отсутствии или при бездействии этого авангарда капитализм *может* найти тот или иной выход. Это подчеркивал Ленин, это отмечаем и мы все. Итак, в каком же смысле можно противопоставлять положение Ленина моим выводам? Где у меня «теория катастрофы»? Тов. Крейбих, некоторые отдельные коммунисты, потерпевшие катастрофу, как коммунисты, весьма охотно видят «теорию катастроф» там, где речь идет лишь об азбуке коммунизма. (Аплодисменты).

Тов. Крейбих далее говорит: «Тезисы Зиновьева не плохи, но доклад был попыткой их смягчения. Зиновьев не мог сказать всей правды, он слишком связан со своими левыми, и, *главное*, он сделал им слишком много уступок».

Вы помните, какие горячие дискуссии, например, по профсоюзному вопросу были в наших рядах, в рядах коммунистов, которые могут и ошибаться. Мы сказали свое мнение левым товарищам. И так как за нами большой опыт, то оказалось, что мы были правы. Сложись дело иначе, — мы бы признали, что были неправы. На то и существует Коммунистический Интернационал, чтобы учитывать опыт работы и борьбы и, когда надо, выправлять линию. Я думаю, товарищи, что надо возможно скорее отказаться от таких методов работы, которые демонстрировал здесь т. Крейбих.

Отход Крейбиха вправо.

Тов. Крейбих в своей речи касался вопроса о правых. Он рассказывал, что в чешской комиссии я спрашивал у него адреса правых, но, видите ли, в виду террора и невозможности свободно высказаться, он не выдаст мне тайны. Он не сообщит мне даже конспиративный их адрес. Товарищи, после речи Крейбиха, однако, мы напали на верный след, который даст нам точный адрес. В Чехо-Словакии он таков: Крейбих, Раучек и К°. В интернациональном масштабе этот адрес таков: Крейбих, Радек, Брандлер, Росмер, Суварин и К° Как видите адрес у нас теперь в руках довольно точный.

Крейбих говорил о «комиссарском» подходе к вопросам. Я думаю, что в момент, когда Крейбих говорил это, Паулю Леви икалось. Леви должен был почувствовать, что Крейбих через пять лет повторяет то же самое, что некогда говорил и он. Только тогда говорили о «туркестанцах», а теперь говорят о «комиссарстве». На этом примере яснее всего видно, что Крейбих внутренне отдаляется от Коммунистического Интернационала.

Мы не спрашиваем чешских товарищей сейчас, готовы ли они разделять наши взгляды на мировое положение, мы спрашиваем, готовы ли они *на практике* поддерживать Коминтерн, принимать его решения и *проводить их*, а не заниматься дипломатией, как это делается во II Интернационале, и как это не может и не должно делаться в III Интернационале? Мы твердо убеждены в том, что громадное большинство чешских товарищей, что чешский пролетариат поймет нас.

Я не могу обойти молчанием такой любопытный факт, как сообщение в полученном мною сегодня номере рейхенбергского «Форвертс». «Форвертс» передает следующее. Исключенный из партии вместе с Бубником т-н Варнбрун издал брошюру о чистке партии и методах Коминтерна. В качестве приложения к своей брошюре он перепечатал статью т. Крейбиха, написанную перед партийным с'ездом. Я не хочу сказать, что Крейбих несет за это формальную ответственность, но политически он несет ответственность за то, что ренегаты, которые уже борются против Коминтерна, которые уже стоят по другую сторону баррикады, используют его статью. Какие еще вам нужны предостережения, тов. Крейбих? Вы отдали дьяволу не только палец, но он уже взял почти всю руку, и не удивляйтесь, если он завладеет вашей головой.

Мы должны стать единственной и мощной партией рабочего класса.

Я кончаю. Обыкновенно мы, ученики Ленина, спрашиваем себя: что сказал бы нам Ленин при нынешней мировой политической обстановке? Как и на IV конгрессе, он сказал бы нам сейчас, что прежде всего надо учиться и учиться. Он сказал бы нам: оставайтесь массовой партией, но *большевистской и коммунистической*, а не полуменьшевистской, как кое-кто сейчас предлагает. Он сказал бы нам: *бейте правых, не делая никаких политических уступок «ультралевым»*, которые являются лишь пособниками правых. Капитализм стабилизируется, но самое важное, чтобы мы сами стабилизировались, чтобы стабилизировалась наша партия, наш Коминтерн, чтобы обогащался наш идеологический багаж. При нынешней обстановке тов. Ленин еще раз напомнил бы нам о значении суб'ективного фактора — авангарда пролетариата и его партии.

Для партии Коминтерна в нынешний период сравнительного затишья возможны две перспективы: одна из них мрачная, печальная перспектива. Если мы, действительно, не сумеем удержаться на необходимом уровне в этот период между двумя революциями, кое-где в наших рядах могут возникнуть разочарования, кризисы, расколы, ренегатство, социал-демократические уклоны. Это — одна возможность, одна перспектива. Другая перспектива — мы научимся правильно прощупывать обстановку, диференцировать положение, мы окрепнем под ударами контр-революции, крепнет наша партия, мы сумеем использовать передышку, чтобы работать над самими собой, чтобы стать могучей и единственной партией рабочего класса.

Я напоминаю вам, что в нормальные времена капитализма перед войной германская социал-демократия сумела сделаться партией рабочего класса. Правда, в ней тогда уже зрели семена измены, превратившей ее впоследствии в социал-предательскую партию. Но в свое время она была партией рабочего класса. Совершенно необязательно, и нет такого закона, чтобы в нынешнюю пору некоторой стабилизации капитализма (весьма непрочной, надо добавить) социал-демократия росла, а мы распылялись. Возможно, что при таком положении вещей, когда классовая борьба не выливается еще в форму гражданской войны, но уже пропитана ее элементами, когда социал-демократия превращается в «третью» буржуазную партию, — возможно, что мы именно в годы реакции станем еще более массовой партией рабочего класса, той организацией, которая одна может и хочет руководить рабочим движением.

Наши тезисы ни в коем случае не означают,—как это многие им уже приписывают,—будто бы мы убедились в том, что наши партии не становятся массовыми партиями, что начинается эпоха господства в рабочем движении социал-демократии и т. д. Ни в коем случае нельзя понимать наши тезисы в этом смысле. Будет ли ошибкой, если мы проведем аналогию между положением в Коминтерне в данный момент и положением вещей в большевистской партии между 1907 и 1917 гг. Известная аналогия здесь возможна. Трудно было одной колонне русского рабочего класса 10 лет удерживать под руководством Ленина свои революционные позиции, когда нам каждый день, именно так, как пишет сейчас «Форвертс», кричали, что с революцией «покончено». Так же трудно продержаться сейчас в международном масштабе, особенно когда нет с нами Ленина. И тем не менее, мы должны продержаться, воспитывая революционные коммунистические партии, стараясь не только закрепиться на нынешнем базисе, но и расширить его, стремясь стать единственной партией рабочего класса.

Почему мы должны были теперь заявить, что стабилизация капитализма кое-где началась? Мы это делаем для того, чтобы отмести иллюзии, чтобы пойти верным путем, как бы он ни был тернист. Никаких преувеличенных выводов! Но мы не должны склоняться на колени перед «ее величеством» стабилизацией. Мы должны думать о том, что *самим нам нужно стабилизироваться, т.-е. большевизировать свои партии*, удерживать свои позиции, работать и выжидать момента, когда мы, наконец, возьмем за горло буржуазию и, покончив с ней, станем строить коммунизм!

Я думаю, товарищи, что тот, кто пытается состряпать противоречие между V всемирным конгрессом и расширенным пленумом, либо стоит на ложном пути, либо же он заинтересован в том, чтобы исказить истину. Наш путь все тот же. Конечно, иные решения I, II, III и остальных конгрессов не оправдались. Но множество решений и документов вошло в вечный инвентарь Коммунистического Интернационала. Данный расширенный пленум Исполкома продолжает и дает дальнейшее развитие прежним решениям. Наша сессия—«сессия большевизации» компартий. Мы будем бороться со всеми ложными тенденциями, подобными тем, которые выявило сегодняшнее заявление по делу Радека, Брандлера, Тальгеймера. Если понадобится, мы будем действовать еще более круто. Ленин учил нас, что в момент, когда буржуазия или социал-демократия крепнет то тут, то там,— что в этот момент всякий, кто пытается отклонить нас от нашей основной линии, должен встретить самый непримиримый отпор. Всем, кто попытается затащить нас в социал-демократическое болото,—мы скажем: если вам уж так хочется, милости просим, погрязайте сами. Мы же в болото не пойдем, мы остаемся коммунистами, мы остаемся учениками тов. Ленина. (Продолжительные рукоплескания. «Интернационал).

О большевизации партий Коминтерна.

Тезисы по докладу т. Зиновьева.

Часть I.

К постановке вопроса.

1. Резолюция второго всемирного конгресса Коминтерна о роли партии в пролетарской революции.

Резолюция второго всемирного конгресса Коминтерна о роли партии в пролетарской революции, составленная при ближайшем участии т. Ленина, является одним из важнейших документов Коммунистического Интернационала, сохранившим все свое значение и до сих пор. Эта резолюция была написана в такой момент, когда Коммунистический Интернационал еще только складывался, когда в него входили еще полусиндикалистские и полуанархистские группы, когда, с другой стороны, Коминтерн еще только намечал 21 условие и вел переговоры о вступлении в Коммунистический Интернационал с германскими независимыми и другими полусоциал-демократическими организациями. Эта резолюция обрисовывала характер и роль партии в пролетарской революции *вообще*. В настоящее время, когда Коммунистический Интернационал сложился, когда он провел серьезную работу и против правых, и против ультра-левых уклонов, когда в ряде стран сложились и окрепли массовые коммунистические партии, возникает необходимость формулировать мнение Коммунистического Интернационала не только по вопросу о роли компартии в пролетарской революции вообще, но и о том, *как добиться* того, чтобы наши партии в возможно кратчайший срок стали максимально *большевистскими* партиями.

Не следует забывать, что в 1919—1920 годах мы имели в Германии и в Италии партии, примыкающие к Коминтерну. Но эти

партии не смогли справиться с задачами, которые пред'являла к ним история, — несмотря на громадный стихийный под'ем массового движения, — именно потому, что они не были вполне большевистскими партиями.

2. Замедленный темп мировой революции и лозунг большевизации.

Уже ко времени третьего всемирного конгресса Коминтерна начало выясняться, что мы стоим перед полосой более или менее затяжного развития мировой революции. К пятому всемирному конгрессу это выяснилось с еще большей ясностью.

При медленном и затяжном темпе развития революции лозунг большевизации получает не меньшее, а еще большее значение.

Большевик не тот, кто примыкает к партии в момент наибольшего под'ема революционной волны. Большевик тот, кто умеет годами, а если нужно, и десятилетиями, строить большевистскую партию также и в годы упадка революционной волны, в годы медленного развития революции. Это не значит, что товарищи, вступившие в партию в момент под'ема революционного вала, не должны уравниваться с остальными, вступившими в партию раньше.

Большевистская партия возникает сама собой в момент достижения революционным валом кульминационного пункта. Большевистская партия участвует во всей борьбе рабочего класса и складывается в ходе этой борьбы. Правые и колеблющиеся элементы в Коминтерне и около Коминтерна считают, что раз нет быстрого развития революционных событий, то, стало-быть, неуместен лозунг большевизации партий. Они не понимают того, что если темп революционного развития замедляется, если в связи с этим колебания в известных слоях пролетариата увеличиваются и настроения в пользу контр-революционной социал-демократии растут, то отсюда *с еще большей необходимостью* вытекает лозунг большевизации партий. Ибо именно при таком положении вещей коммунисты должны с еще большей настойчивостью работать над тем, чтобы создать оплот против колебаний, удержать в наших рядах лучшие элементы пролетарского авангарда и увеличить их число, удержать самое знамя пролетарской революции и тем самым суметь в самой трудной обстановке сплотить такое пролетарское ядро, которое будет подготовлять и организовывать пролетарскую революцию *при всех и всяких условиях*. Коммунистическая партия должна быть достаточно гибкой, чтобы, когда это необходимо, уметь переходить без

партии, в порядке к нелегальному положению, не сдавать легко свою легальность, уметь сочетать легальную работу с нелегальной, уметь пользоваться всякой, самой незначительной «легальной,» зацепкой, чтобы прорывать рамки подполья, становясь во главе открытых массовых движений, подготовляющих революцию, все время оставаясь при этом верной своим основным революционным задачам.

В данной обстановке коммунистическим партиям приходится считаться с двумя основными опасностями: с одной стороны, угроза превратиться в небольшие секты «чистых» коммунистов, обладающих «хорошими» принципами, но не умеющих притти в соприкосновение с действительным рабочим движением данного периода; с другой стороны, опасность превратиться в бесформенную полусоциал-демократическую партию в тех случаях, когда партия не умеет сочетать борьбу за завоевание широких рабочих масс с верностью принципам коммунизма. Суметь миновать Сциллу сектантства и узости и Харибду бесформенности и расплывчатости — это и означает помочь большевизации партии.

3. Правые опасности и ультра-левые уклоны.

Лозунг большевизации партий возник в *борьбе с правой опасностью*. Если бы пятый конгресс Коминтерна не выступил с такой решительностью против оппортунистических извращений тактики единого фронта и рабочего правительства, мы стояли бы перед прямой опасностью оппортунистического перерождения некоторых партий Коминтерна. Правильный лозунг третьего конгресса «к массам!» применялся в течение двух лет в ряде стран настолько неверно, что создалась реальная опасность подмены самостоятельной тактики коммунизма политикой «коалиции» коммунистов с контр-революционной социал-демократией.

Большевизация партий прежде всего и больше всего должна быть и впредь направлена против этих правых извращений, могущих прямо загубить историческую миссию Коминтерна.

Но большевизация невозможна без борьбы и против ультра-левых уклонов, которые зачастую являются только *оппортунизмом* наизнанку. Именно в той обстановке, когда все усилия буржуазии и социал-демократии направлены на то, чтобы ликвидировать «коммунистическую опасность» *в массах*, ультра-левые уклоны об'ективно помогают этому натиску буржуазно-социал-демократической реакции. Ошибка ультра-левых, например, в вопросе об участии коммунистов в реформистских или реакционных профсоюзах могла

бы на ряд лет прямо погубить коммунистические партии. Русский большевизм тоже складывался в борьбе и против оппортунизма, и против мелкобуржуазного «левого» революционизма.

4. Коммунистические партии и большевистские партии.

Говоря вообще, коммунизм, марксизм, большевизм — одно и то же. «Коммунистическая партия» или «большевистская партия» — это, говоря вообще, понятия равнозначащие. Однако, на практике это не всегда одно и то же. Некоторым важным секциям Коминтерна пришлось и отчасти еще приходится проделать постепенное развитие от левой социал-демократии (местами от анархо-синдикалистской идеологии) к подлинному коммунизму, к большевизму. В известном смысле вся работа Коминтерна может быть названа большевизацией рабочих партий. Коммунистический Интернационал воспринял в свои ряды значительное число партий, групп и отдельных товарищей, состоявших раньше в рядах II Интернационала. Иначе и быть не могло. Большевистская партия России тоже состояла в течение определенного времени в рядах II Интернационала, — и это тоже не могло быть иначе. Но, благодаря сочетанию ряда обстоятельств, русским большевикам удалось ранее других партий порвать со II Интернационалом. Об'ективно-революционная обстановка в России помогла русским большевикам под руководством т. Ленина раньше других сложиться в большевистскую, т.-е. подлинно-коммунистическую партию. В ряде секций Коминтерна даже теперь можно найти значительные круги товарищей, считающих себя коммунистами, но не большевиками. Большевизация заключается в том, чтобы сделать все секции Коммунистического Интернационала во всех их прослойках подлинно-коммунистическими, т.-е. большевистскими.

5. Большевизация и конкретные условия борьбы.

Не следует думать, будто мы можем найти всеспасающий рецепт, одинаково пригодный для большевизации всех партий Коминтерна. Подлинная большевизация требует прежде всего точного учета всех *конкретных* обстоятельств места и времени. Партии, входящие в Коминтерн, условно могут быть подразделены теперь на три группы:

а) те партии, которые только еще проходят свой преимущественно пропагандистский период, делают первые шаги по пути сплочения широких масс вокруг знамени коммунизма;

б) те партии, которые находятся уже в полосе более или менее обостренной борьбы и ведут за собой значительные массы (иногда большинство) рабочих;

в) те партии, которые уже завоевали политическую власть и находятся в периоде закрепления ее.

В первую группу входит ряд сравнительно еще слабых партий.

Во вторую группу входят такие партии, как германская, французская, чешская, болгарская, итальянская и т. п.

К третьей группе принадлежит пока одна только РКП.

Большевизация секций Коминтерна есть учет и применение ими к делу опыта РКП (б.) в трех русских революциях, а также, разумеется, и опыта каждой другой секции, имеющей за собою серьезные битвы. В свете этого опыта все секции Коминтерна должны осмыслить стоящие перед ними самими задачи и обобщить свой собственный опыт. Но было бы величайшей ошибкой механически переносить опыт России на другие страны, — ошибкой, против которой предостерегал уже т. Ленин. В опыте русской революции есть много такого, что т. Ленин характеризовал, как общезначимое для всех других стран (Советы и т. п.). «Теперь, — писал тов. Ленин в «Детской болезни «левизны», — мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.-е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции... Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики... Но в опыте русской революции есть, разумеется, немало и такого, что не повторится в других странах».

Тов. Ленин подчеркивал то своеобразие условий перехода от капитализма к пролетарской диктатуре по отдельным странам, которое вытекает из особенностей современной эпохи: «Любой марксист, — писал тов. Ленин, — если ему поставить вопрос, вероятен ли равномерный или равномерно гармонический переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата, ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. *Каждая страна* развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону, то одну, то другую черту или группу свойств капитализма и рабочего движения». («Третий Интернационал и его место в истории».)

Большевизация есть умение применить общие принципы ленинизма *к данной конкретной* обстановке в той или другой стране. Большевизация есть умение ухватиться за то главное «звено», при помощи которого можно вытащить всю «цепь». А «звено» это не может быть одинаковым в каждой стране при том разнообразии социально-политической обстановки, какое мы наблюдаем.

Большевизация есть *длительный процесс*, который только еще начался в лучших европейских партиях Коминтерна. Работа, которая предстоит, громадна и требует ряда лет.

Часть II.

Марксизм и ленинизм.

6. Марксизм и ленинизм.

Сделаться подлинно коммунистическими партиями секции Коминтерна в нынешнюю эпоху могут, только ставши под знамя *ленинизма.*

Само собой разумеется, что ленинизм ни в какой мере не может противопоставляться марксизму. Ленин являлся самым выдающимся учеником Маркса. Без марксизма нет ленинизма. Но ленинизм обогатил марксизм прежде всего опытом трех русских революций, а также опытом ряда других революционных движений, разгоравшихся с начала XX века по нынешний период. Ленинизм обогатил общее учение марксизма разработкой вопросов:

1) о теории империализма и пролетарской революции;

2) об условиях и механике осуществления диктатуры пролетариата;

3) о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства;

4) о значении национального вопроса вообще;

5) о значении в особенности национальных движений в колониальных и полуколониальных странах для мировой пролетарской революции;

6) о роли партии;

7) о тактике пролетариата в эпоху империалистических войн;

8) о роли пролетарского государства в переходный период;

9) о советском строе, как о конкретном типе пролетарского государства на этот период;

10) о проблеме социальных прослоек в самом пролетариате, как источнике раскола рабочего движения на оппортунистическое и революционное направления, и т. д.;

11) о преодолении как правых социал-демократических тенденций, так и левых уклонов в коммунистическом движении. («Детская болезнь «левизны».)

Маркс и Энгельс подытоживали прежде всего опыт общественных движений во Франции, Англии и Германии. Ленинизм, вырастая из учения Маркса и опыта Запада, боролся в первых рядах против извращений марксизма западно-европейскими социал-демократами (борьба Ленина против оппортунизма вообще и каутскианства в частности), и в то же время ленинизм, пользуясь методом Маркса, смог подытоживать уже и опыт великих революционных движений на Ближнем и Дальнем Востоке и на границах к Востоку — в России, Китае, Индии и т. д.

Первая эпоха—марксизма: от «Коммунистического манифеста» до смерти Маркса.

Вторая эпоха — эпигонов «марксизма»: от образования Второго Интернационала до начала империалистической войны. Эта эпоха имеет — особенно в первую ее половину — и сильные стороны: создание массовых организаций пролетариата, большая культурно-просветительная работа и т. п. Но в целом это с 90-х годов — эпоха *искажения марксизма.* Приблизительно с 1907 г. в недрах II Интернационала начинается консолидация революционного крыла рабочего движения в международном масштабе.

Третий период — ленинская эпоха. Ленинизм берет начало примерно с кануна первой русской революции (1903 — 04 г.) и в 1917 году одерживает свою первую всемирно-историческую победу.

Без Маркса нет Ленина. Но после того, что сделали с марксизмом вожди II Интернационала, после той «ревизии» марксизма, которую проделали Каутский и К° *под флагом Маркса* (особенно в борьбе этих ренегатов марксизма против пролетарской диктатуры

в России) приходится сказать, что *без ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма.*

Ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн и пролетарских революций. Победа пролетарской диктатуры в России, рост пролетарских и крестьянских движений почти во всем мире, нарастающие революционно-освободительные движения колониальных и полуколониальных народов, — все это в своей совокупности составляет начало *мировой* революции.

Ленинизм одержал свою первую непосредственную победу в стране с большинством крестьянского населения (Россия). Но как сама русская революция выросла из всей международной обстановки, так и ленинизм есть продукт всего международного пролетарского движения. Очистив Марксовы оценки великих пролетарских движений XIX века (чартизм, Парижская Коммуна) от оппортунистических извращений, прибавив к этому марксистскую оценку опыта растущих новых массовых пролетарских движений Европы, Америки и других частей света, учтя великое значение крестьянских и национально-революционных движений, заявивших о себе с особой силой с начала XX века, — Ленин поднял учение Маркса на новую высоту.

Ленинизм представляет собою *последовательное развитие идеи пролетарской гегемонии* в условиях, когда диктатура пролетариата начинает сменять диктатуру империализма.

Неверен взгляд, будто марксизм есть только теория, а ленинизм — только практика. Ленинизм есть теория и практика марксизма для периода империализма, империалистских войн и пролетарских революций, открывшихся диктатурой пролетариата в России. Коминтерн ставит перед собой задачу стать международной организацией, воплощающей теорию и практику ленинизма.

7. Большевизация и революционные традиции.

Большевизация не отказывается от наследства прежних поколений революционеров. Изучение истории революционной борьбы собственной страны и других стран безусловно необходимо для сознательного участия в большевистской партии нынешних дней. Недопустимо, чтобы французский коммунист не знал сочинений Лафарга, не знал наиболее сильных сторон гэдизма и наилучших работ Гэда той поры, когда Гэд был еще марксистом. Недопу-

стимо, чтобы английские коммунисты не воспитывались в духе уважения к чартизму, и чтобы английские коммунисты не знали важнейших документов чартизма. Недопустимо, чтобы германские коммунисты забывали об опыте борьбы лучшей части германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов. Недопустимо, чтобы лучшие произведения Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля не использовались германскими коммунистами против социал-демократии. Недопустимо, чтобы русские коммунисты забывали о наиболее блестящих страницах в деятельности Плеханова тех времен, когда он был еще марксистом.

Большевизировать партию означает также сделать ее на основе ленинизма сознательной продолжательницей всего того, что было подлинно-революционного и подлинно-марксистского и в I, и во II Интернационалах.

8. Большевизация и некоторые теоретические ошибки в лагере коммунистов (в частности ошибки люксембургианства).

Подлинное усвоение ленинизма и применение его на деле при построении коммунистических партий во всем мире невозможно без учета ошибок ряда виднейших марксистов, которые пытались подняться до применения марксизма в обстановке новой эпохи, но не во всем сумели этого достигнуть.

Сюда относятся ошибки «левых» коммунистов в России, группы голландских марксистов (Гортер, Паннекук), а также ошибки Розы Люксембург. Чем ближе к ленинизму стоят эти деятели, тем опаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом.

Дело сложилось так, что подлинная большевизация для ряда партий Коминтерна невозможна теперь, например, без преодоления этими партиями ошибок люксембургианства, которые, в силу исторических условий, играют значительную роль в движении данных стран. К числу важнейших ошибок люксембургианства, имеющих актуальное значение и сейчас, относятся:

а) Небольшевистская постановка вопроса о «стихийности» и «сознательности», об «организации» и «массе». Неверные оценки люксембургианцев, которые имели тогда перед собою опыт германской с.-д. партии, зачастую прямо мешавшей революционному размаху классовой борьбы, не давали им возможности правильно понять роль партии в революции вообще.

б) Недооценка технического момента в подготовке восстания мешала и отчасти мешает кое-где и теперь правильно поставить вопрос об «организации революции».

в) Ошибки в вопросе об отношении к крестьянству. В последней статье Розы Люксембург, написанной после подавления спартаковского восстания в январе 1919 г., Р. Л. близко подходит к нащупыванию своей собственной ошибки, выразившейся в недооценке роли крестьянства. В ряде же более ранних своих произведений Роза Люксембург недооценивала роль крестьянства, т.-е. ставила крестьянский вопрос не в большевистском духе, и делала тем самым ряд идейных уступок социал-демократии.

На практике такие социал-демократические ошибки в крестьянском вопросе делали и венгерские коммунисты, будучи у власти, и польская компартия, и болгарская компартия в 1923 году, и итальянские максималисты, и псевдо-левые идеологи «Ком. раб. партии» в Германии, и ряд секций Коминтерна даже сейчас.

г) Столь же серьезны были ошибки Розы Люксембург и ряда польских, голландских, русских марксистов в национальном вопросе. Отрицание лозунга самоопределения наций (право на образования независимого государства) на том основании, что при империализме «невозможно» разрешить национальный вопрос, приводило на деле к нигилизму в национальном вопросе, что чрезвычайно затруднило работу коммунистов в ряде стран.

д) Пропаганда партийности профсоюзов, как это отстаивала в течение ряда лет польская партия под руководством Розы Люксембург, была большой ошибкой, свидетельствовавшей о непонимании роли профсоюзов, как организации, охватывающей наемных рабочих поголовно. Такая ошибка серьезно затрудняла и затрудняет авангарду правильный подход ко всему классу.

Ошибка, которую делала часть германских коммунистов до франкфуртского партейтага 1924 года в вопросе о профсоюзах, была ошибкой аналогичного порядка.

Отдавая должное величию работы Розы Люксембург, одной из основательниц Коммунистического Интернационала, Коминтерн уверен, что будет действовать в духе самой Розы Люксембург, если поможет теперь партиям Коминтерна извлечь уроки из ошибок этой великой революционерки.

Без преодоления ошибочных сторон люксембургианства подлинная большевизация невозможна. Только ленинизм может стать путеводной звездой для коммунистических партий всего мира. Все,

что отклоняется от ленинизма, является отступлением и от марксизма.

Равным образом необходимо решительно бороться со всеми отклонениями от ленинизма в области так-называемой «чистой теории» — философия, теория политической экономии и т. д.

Недостаточное внимание к теории, замечающееся в ряде партий, служит крупнейшим препятствием к подлинной большевизации партий Коминтерна. При «терпимом» отношении к теоретическим уклонам и т. п. не может быть и речи о подлинной большевизации партий. Овладение теорией ленинизма есть *предпосылка* успешной большевизации партий. Особенно опасный уклон от ленинизма представляет троцкизм, — разновидность меньшевизма, сочетающая «европейский» оппортунизм с «лево-радикальной» фразой, зачастую прикрывающей политическую пассивность. Троцкизм — это не единичный уклон в сторону меньшевизма, это — многолетняя система борьбы против ленинизма, троцкизм — это также не только русское явление, это — явление международного порядка. Осуществить ленинизм в Коминтерне — это значит разоблачить троцкизм во всех партиях и ликвидировать его, как течение.

Часть III.

Большевизация и завоевание большинства рабочего класса.

9. Большевизация и лозунг „к массам!“

Массовое движение создала и социал-демократия. Но это — *реформистское* массовое движение. Большевизацию можно определить в самой общей форме, как создание *массового пролетарского революционного движения под знаменем идей Маркса и Ленина.*

Большевик — прежде всего и больше всего массовик. Лозунг III всемирного конгресса «к массам!» — для завоевания большинства решающих слоев пролетариата — целиком остается в силе. V всемирный конгресс не только не снял с очереди этот лозунг, но, наоборот, углубил и развил его.

10. Большевизация и работа в профсоюзах.

Уклоны в вопросе о работе коммунистов в профсоюзах чреваты величайшими опасностями для дела действительной большевизации наших партий. Профсоюзы являются во всем капиталистическом

мире важнейшей формой массовой (поголовной) организации пролетариата. Другие формы массовой организации (фабрично-заводские комитеты и т. п.) крайне ценны и имеют громадное революционное будущее; но эти новые формы массовой организации только еще начинают завоевывать себе всеобщее признание широких масс рабочих. А такие новые формы массовой поголовной организации пролетариата, как советы, становятся возможными лишь с непосредственным началом революции. Предполагать, что коммунисты могут в рамках капитализма с'импровизировать какую-то другую массовую форму организации рабочих, кроме профсоюзов, означает — покинуть почву реальности.

Одной из важнейших составных частей учения ленинизма является его учение о работе коммунистов даже в самых реакционных профсоюзах. Отступления в этой области стоили коммунистам очень дорого (лучший пример — Германия). Принципиальные колебания в этой области приводили к тому, что практическая работа молодых коммунистических партий Европы в профсоюзах как следует еще и не начиналась. Важнейшая составная часть большевизации заключается в том, чтобы уделить работе в существующих с.-д. и других (желтых, национал-социалистических, христианских и фашистских) профсоюзах в сто раз больше внимания, чем до сих пор. Только при этом условии может быть действительно сломлена монополия реформистских верхов (рабочей аристократии и рабочей бюрократии) в профсоюзах. Только при этом условии профсоюзы могут на деле освободиться от разлагающего влияния реформизма, стремящегося свести на-нет их значение, как вернейшего орудия классовой борьбы. Само собой разумеется, это относится также и к фабрично-заводским комитетам там, где таковые существуют, или где есть возможность вызвать их к жизни в массовом масштабе.

Коммунисты усилят свое влияние и завоюют авторитет в рабочей массе тем, что станут выступать за все непосредственные требования: повышение заработной платы, сохранение 8-часового рабочего дня, борьба с безработицей и т. д., и будут добросовестно и стойко возглавлять все конфликты с работодателями.

Это тем более необходимо, что социал-демократические профсоюзные вожди во всех странах систематически предают интересы пролетариата и не останавливаются перед тем, чтобы примкнуть к капиталистам, дабы саботировать и срывать начатые против их воли стачки.

Дабы нащупать правильную линию во всех социальных конфликтах, коммунистические партии должны подвергать тщательному изучению конкретную обстановку всякого конфликта: положение дел предприятия или группы предприятий, об'ем и удельный вес заказов, связь или взаимное переплетение отдельных фабрик, синдикатов или трестов, организованную силу и сопротивляемость предпринимателей, равным образом как и силу профсоюзных организаций и степень готовности к борьбе среди организованных и неорганизованных рабочих, возможности расширение стачки и его политические последствия. Таковы предпосылки возможности давать членам партии правильные директивы и лозунги и достигать того, чтобы они во всех конфликтах с капиталом действительно стояли во главе рабочих.

11. Большевизация и правильная тактика единого фронта.

Большевизация партий Коминтерна не только не исключает, а прямо предполагает применение этими партиями тактики единого фронта. Уменье найти правильный подход к массам, ясный взгляд на задачи авангарда по отношению ко всему классу являются характернейшими чертами большевизма. Тактика единого фронта была и остается не чем другим, как методом революционной агитации и организации масс, т.-е. правильным подходом коммунистов к широким рабочим массам в данную стадию движения, когда социал-демократия составляет еще большинство в ряде стран. Тактика единого фронта ни в какой степени не является монополией правых элементов Коминтерна. Эти элементы могут претендовать только на одно: *монополию оппортунистических ошибок* в деле применения тактики единого фронта. Сама же тактика целиком и полностью вытекает из ленинизма.

Борьба за единство международного профдвижения, поддержанная Коминтерном, заполнит собой ближайшие годы. Идея единства международного профдвижения начинает прокладывать себе дорогу в широкие круги рабочих масс. Недалеко время, когда этот вопрос станет самым жгучим вопросом в каждом профсоюзе любой страны.

Коминтерн стоит еще только перед началом применения тактики единого фронта (и в частности — лозунга рабоче-крестьянского правительства, в том истолковании, какое дал ему V всемирный конгресс). Отказ от проведения тактики единого фронта несовместим с большевизацией.

12. Большевизация и частичные требования.

«Большевистская партия есть партия диктатуры пролетариата», а не «частичных требований», — так ставят иногда вопрос «ультралевые» элементы. «Большевистская партия есть партия диктатуры пролетариата, и *именно поэтому* для завоевания большинства пролетариата она систематически выдвигает частичные требования, связывая их с революционными задачами», — отвечает ленинизм. Реформисты пользуются каждым случаем выставления частичных требований, чтобы *заменить* ими подлинную революционную борьбу. Большевики пользуются каждым частичным требованием для того, чтобы просветить массы относительно *необходимости революции*, для того, чтобы на конкретных фактах вскрыть массам невозможность мало-мальски серьезного и длительного, а тем более коренного улучшения их положения при сохранении власти капитала. Большевики ставят каждое конкретное требование, вокруг которого группируются массы, *в перспективе борьбы за революцию*. Отказ от выставления частичных требований вообще есть отказ от тактики единого фронта и даже более того — есть на деле отказ от лозунга «к массам!».

В то же время коммунисты на наглядном примере показывают массам, что не кто иной, как реформисты, саботируют всякую серьезную борьбу за частичные требования, и что только и лишь коммунистическая партия, которая ставит себе целью борьбу за власть, способна последовательно вести борьбу и за злободневные интересы рабочих масс и давать отпор всякому посягательству на их жизненный уровень.

Отказ от частичных требований несовместим с большевизацией.

13. Работа среди рабочих, входящих во Второй и Амстердамский Интернационалы.

В большинстве стран II и Амстердамский Интернационалы так или иначе об'единяют еще в своих рядах очень значительные слои рабочих. К задачам большевизации наших собственных партий безусловно относится также задача постоянной работы среди тех пролетариев, которые входят еще во враждебные нам организации. Формы работы среди этих слоев пролетариата, разумеется, не могут быть одинаковы и всецело зависят от конкретной обстановки в данной стране или даже в данной профессии. Но *обязанность* такой работы целиком относится ко всем партиям, входящим в Коминтерн.

14. Большевизация и движение молодежи.

Коммунистические партии все еще уделяют недостаточно внимания работе среди молодежи. Даже в крупных коммунистических партиях насчитываются десятки организаций, не добившихся даже образования групп коммунистической молодежи в данной местности.

Одна из задач большевизации заключается в том, чтобы завоевать *поголовно* рабочую молодежь во всем мире, — то поколение рабочих, которое складывалось в обстановке всемирной империалистической войны и начала мировой революции. Если социал-демократия опирается преимущественно на наиболее обуржуазившуюся верхушку рабочей аристократии, сложившейся в мирную эпоху, то коммунистические партии всего мира, в числе других задач, должны стремиться к поголовной организации под нашим знаменем всей пролетарской молодежи новой эпохи.

15. Большевизация и работа среди женщин.

Чем глубже данное народное движение, тем больше участие в нем трудящихся женщин.

Работа по вовлечению в борьбу сотен тысяч и миллионов женщин рабочего класса является также одной из важнейших предпосылок большевизации. Расширенный Исполком Коминтерна констатирует, что в этой области наша работа крайне неудовлетворительна. Вовлечение пролетарок в активную работу и борьбу есть одна из предпосылок завоевания большинства рабочего класса на нашу сторону. Наша победа в гражданской войне невозможна, если плечом к плечу с нами в наших рядах не будут бороться пролетарские женщины, трудящиеся женщины, точно так же, как и строительство коммунистического общества невозможно без активного, сознательного сотрудничества трудящихся женщин.

Расширенный Исполком Коминтерна ставит поэтому всем секциям на вид обязанность проведения в жизнь соответствующих решений V всемирного конгресса. Далее, необходимо создать подсобные органы или подсобные организации (комитеты действия, контрольные комиссии, делегатские собрания и пр.), которые под руководством коммунистов охватили бы широчайшие женские массы, подчиняя их влиянию партии и поддерживая постоянную связь между ними и партией.

16. Работа среди безработных.

Коммунистические партии всего мира должны обратить самое серьезное внимание на работу среди безработных. При том отношении, какое замечается со стороны буржуазии и социал-демократии к миллионам безработных, коммунистические партии, уделивши должное внимание этому делу, могли бы завоевать решающее влияние среди этого слоя пролетариата.

17. Большевизация и наша пресса.

Совершенно недопустимо положение, когда у нас, как, например, в Берлине, Париже, Милане, при наличии значительного количества избирателей сравнительно мало постоянных читателей нашей прессы. Аналогичное (и еще худшее) положение мы видим в целом ряде других стран. Большевизация требует того, чтобы наша пресса стала народной прессой в лучшем смысле этого слова, т.-е. чтобы она действительно проникла в каждый рабочий дом, чтобы каждый, симпатизирующий нам, читал нашу газету. Необходимо принять ряд мер и организационного, и литературного характера для того, чтобы внедрить нашу прессу в гущу рабочей массы и сделать ее таким образом орудием большевизации масс. Вопросам о рабочих и сельских корреспондентах, о создании стенных газет, фабрично-заводских журналов, подготовке пролетарских писателей и т. п. должно быть уделено всемерное внимание.

Часть IV.

Большевизация и вопрос о союзниках пролетариата в революции.

18. О союзниках пролетариата в революции.

Принципиальное отношение коммунистов к мелкой буржуазии, как к возможному союзнику пролетариата в революции, с исчерпывающей ясностью определено в классических произведениях Маркса, Энгельса и Ленина, начиная с «Коммунистического манифеста» и кончая последними произведениями Ленина.

Одна из важнейших задач большевизации заключается в том, чтобы это принципиальное отношение суметь применять к той конкретной обстановке, в какой приходится бороться данной коммунистической партии.

Одна из наиболее сильных сторон ленинизма, обеспечивающих победу большевизма в революции, всегда заключалась в том, чтобы суметь нащупать *конкретного союзника для данной конкретной задачи: в России*—союз со всем крестьянством против царизма, затем союз *с определенными слоями* крестьянства против буржуазии и т. д.

Ленинизм всегда видел одну из своих основных задач в том, чтобы совершенно точно и конкретно учесть, *какие именно* промежуточные *слои* способны *на данном этапе* революционного развития быть союзниками пролетариата; каковы те главные *требования*, которые об'единяют их с пролетариатом *в данной обстановке*.

Именно потому, что ленинизм поставил проблему диктатуры пролетариата, как практическую задачу ближайшего исторического дня, вопрос о возможных союзниках рабочего класса в революции поставлен ленинизмом, как одна из важнейших тактических проблем современности.

В основном ленинизм подразделяет мелкую буржуазию на три группы: одни слои мелкой буржуазии *могут*, а стало-быть, *и должны* быть, хотя бы временно, завоеваны в качестве прямых союзников пролетариата; другие слои необходимо суметь нейтрализовать; против третьих (*верхи* городской и сельской мелкой буржуазии) необходима и неизбежна прямая борьба.

В ряде стран Западной Европы (например, в Германии) значительные слои мелких городских служащих — чиновники, техническая интеллигенция и т. п. — при нынешнем соотношении сил между буржуазией и пролетариатом могут до известной степени стать союзниками борющегося пролетариата. Кое-где эти слои могут даже при известных обстоятельствах сыграть роль, более или менее аналогичную той роли, которую крестьянство сыграло во время некоторых этапов пролетарской революции в России.

Одной из важнейших составных частей большевизации является правильная и умелая тактика в отношении промежуточных слоев населения, колеблющихся между пролетариатом и буржуазией, но могущих при определенной обстановке частично стать попутчиками рабочего класса.

19. Большевизация и пролетарская политика в отношении к крестьянству.

Большевистская партия есть партия *рабочая*. Учение о диктатуре пролетариата есть самое основное в большевизме. Но вопрос о крестьянстве, как наиболее близком к пролетариату классе, как

самом важном из возможных союзников пролетариата в революции, имеет кардинальное значение для большевизма и до, и после завоевания политической власти пролетариатом.

«Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является *лишь при условии*, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без об'единения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии пролетариата, без воспитания первых последним». (Тезисы тов. Ленина по агр. вопросу, принятые II конгрессом КИ).

1) Борьба пролетарского авангарда с социал-демократией за большинство пролетариата.

2) Борьба рабочего класса с буржуазией (империализмом) за большинство крестьянства, — к этому можно было бы свести основную тактическую проблему компартий.

Взгляды ленинизма на роль крестьянства не только в России, но и во всем мире изложены в резолюции т. Ленина, принятой вторым всемирным конгрессом Коминтерна. Этот документ *интернационализирует* взгляды ленинизма на роль крестьянства. Это один из самых замечательных, не превзойденных документов ленинизма.

Согласно этой резолюции, мы видим во всем капиталистическом мире три группы сельского населения, в сумме своей составляющие большинство деревни, которые могут, а стало-быть, и должны быть завоеваны пролетариатом на свою сторону.

«Трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне, которые должен повести на борьбу или, во всяком случае, привлечь на свою сторону городской пролетариат, представлены во всех капиталистических странах следующими группами:

Во-первых, сельскохозяйственным пролетариатом — наемными рабочими (годовыми, сроковыми и поденными), снискивающими себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельско-хозяйственных и связанных с ними промышленных предприятиях.

Во-вторых, полупролетариями или парцельными крестьянами, т.-е. теми, которые снискивают себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных промышленных капиталистических предприятиях, частью трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания, необходимых для семьи. Эта группа сельского трудящегося населения весьма многочисленна во всех капиталистических странах, ее

существование и ее особое положение затушевывают представители буржуазии и принадлежащие ко II Интернационалу «социалисты», частью сознательно обманывая рабочих, частью поддаваясь слепо рутине обывательских воззрений и смешивая ее с общей массой «крестьянства» вообще...

В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие, на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы. Этот слой безусловно выигрывает от победы пролетариата.

Взятые вместе, три указанные выше группы составляют во всех странах большинство деревенского населения. Поэтому конечный успех пролетарского переворота обеспечен не только в городах, но и в деревне»...

Одной из важнейших предпосылок подлинной большевизации наших партий является серьезная систематическая работа над проведением этой резолюции в жизнь. Необходимо прежде всего, чтобы каждый рабочий, рядовой коммунист знал и понял эту резолюцию; необходимо, чтобы каждая из партий Коминтерна поставила в центр важнейших своих работ проведение в массы взглядов, изложенных в этой резолюции, и практическую работу в направлении реализации ее. Необходимо открыто признать, что большинство компартий к этой работе серьезно еще не приступило.

20. Большевизация и пролетарская политика в национальном вопросе.

Национальный вопрос в колониальных и полуколониальных странах — да и не только в них — в значительной мере является крестьянским вопросом, поскольку крестьянство составляет в этих странах большинство населения. Проведение большевистской политики в колониальном вопросе невозможно без правильной постановки национального вопроса вообще. Опыт последних лет доказал, что в ряде различных стран при различной обстановке, коммунисты делают одну и ту же ошибку недооценки национального вопроса, — ошибку, лишающую коммунистов возможности завоевать на свою сторону значительные, порою решающие, слои населения. Нигилизм и беззаботность в национальном вопросе (а тем более уступка «великодержавной» точке зрения господствующей национальной группы) принесли немало вреда германской коммунистической партии и некоторым балканским секциям Коминтерна, и че-

хо-словацкой компартии, и коммунистам Индии, и польским коммунистам, и английской компартии и т. д., и т. п.

Резолюция II всемирного конгресса по национальному вопросу, а равно и позднейшие постановления Коммунистического Интернационала дают достаточно ясные теоретические и тактические указания коммунистам всего мира на этот счет. Без правильной политики в национальном вопросе нет большевизации.

Часть V.

Конкретные задачи отдельных партий.

21. Конкретные ближайшие задачи отдельных партий.

Приблизительно эти задачи сводятся к следующему (берется наиболее важное):

А) В СССР. Здесь задача большевизации в настоящий момент сводится в первую очередь к следующему:

1. *Полная ликвидация троцкизма как течения внутри партии.* Эта ликвидация является первым условием обеспечения правильной политики РКП в вопросах: а) об отношении к крестьянству; б) о полном обеспечении руководящей роли партии в госаппарате и хозорганах и на нынешний период нэп'а и т. д.

2. При проведении совершенно правильной и совершенно обязательной политики партии по крестьянскому вопросу принять все меры к тому, чтобы (между прочим, с помощью и ее) систематически развивать элементы социального хозяйства и укреплять тем самым экономическую базу диктатуры пролетариата и преобразования России из неповской в социалистическую.

Б) *В Англии* коммунистическая партия, делающая первые серьезные успехи в деле преобразования в массовую коммунистическую партию, должна видеть центральную задачу большевизации в следующем:

1. Работа в профсоюзах. В частности, внимание движению меньшинства. Внедрение в массы марксистского взгляда на связь между экономикой и политикой. В силу своеобразных взаимоотношений, существующих между английскими профсоюзами и рабочей партией, у значительных кругов профессионалистов создается впечатление, будто руководящая роль принадлежит профсоюзам, а вожди рабочей партии являются-де только выполнителями воли

профсоюзов, — между тем, на деле происходит прямо противоположное.

2. Агитация против империалистических настроений, свивших себе гнездо и в английской рабочей аристократии (вопрос о колониях). В частности, должное внимание ирландскому вопросу.

3. Создание оформленной централизованной парторганизации и ликвидация «кустарничества».

4. Планомерное проведение тактики единого фронта.

В) *Во Франции* задача большевизации сводится в настоящий момент к следующему:

1. Кампания за единство профсоюзов.

2. Работа над созданием более массовых профсоюзов вообще; учет того факта, что Франция за последние годы сильно индустриализовалась, и рабочий класс ее сильно возрос численно. Существующие же профсоюзы пока численно крайне слабы.

3. Теснейший контакт во что бы то ни стало между партией и Унитарной Конфедерацией Труда на основе принципов и тактики Коминтерна.

4. Создание, вопреки прежним французским традициям, солидно организованной массовой коммунистической партии. Принять в партию еще тысяч 40 — 50 членов.

5. Организационное закрепление того массового влияния, которое партия имеет на парижских рабочих.

6. Подтянуть во что бы то ни стало наиболее важные промышленные департаменты к уровню влияния партии в Париже.

7. Добиться серьезного влияния на крестьянство.

8. Вести антимилитаристскую пропаганду, прежде всего, через крестьянство и комсомол.

9. Серьезнейшее внимание рабочим-эмигрантам.

10. Энергичная работа в колониях.

Г) *В Германии.* Здесь задача большевизации сводится, в первую очередь, к следующему:

1. Ликвидация «левых» ошибок по вопросу о профсоюзах не только в теории, но и на практике.

2. Постановка всей агитации и пропаганды партии на более конкретную почву с тем, чтобы прекратить какие бы то ни было колебания в вопросе о допустимости выставления частичных требований.

3. Применение тактики единого фронта, которая в данной обстановке (разоблачение продажности виднейших вождей социал-демократов и т. п.) способна дать особенно серьезные плоды.

4. Больше внимания делу *организационного обхвата масс* (не только агитационные кампании, и агитационные кампании не только в газетах).

5. Больше внимания работе среди мелких чиновников, служащих и т. п.

6. Практическая постановка вопроса о работе в крестьянстве.

7. Пропаганда лозунга «рабоче-крестьянское правительство» в истолковании V конгресса, т.-е. в революционном духе, исключающем всякое оппортунистическое истолкование.

8. Принять все меры к обеспечению здорового внутрипартийного развития и устранению всех последствий предыдущей фракционной борьбы. Твердое обеспечение партийного единства против каких бы то ни было новых попыток фракционности.

9. Дальнейшую борьбу против новых уклонов теперь, когда политическая линия партии достаточно закреплена и организационно, нужно вести путем широкой идейно-политической, раз'яснительной кампании, воспитания новых работников, систематического расширения активных партийных кадров и энергичного привлечения и — как и до сих пор, и еще больше, чем до сих пор — ассимиляции в работе лучших сил также из прежних оппозиционных элементов, поскольку эти товарищи могут быть завоеваны для лояльного сотрудничества в духе решений партии.

10. Проводить политическую линию партии с соблюдением методов внутрипартийной демократии и систематически вести широкую раз'яснительную работу, дабы путем дискуссии убеждать широкие круги членов партии в правильности принятой партией линии.

Д) *Чехо-Словакия.* Работа большевизации сводится здесь, прежде всего, к следующему:

1. Поднять боеспособность партии, изжить парламентско-муниципальный оппортунизм, вообще произвести ликвидацию правого уклона в партии (люди типа Бубника).

2. Не на словах, а на деле повести кампанию за об'единение всех профсоюзов.

3. Научиться вести концентрированные политические кампании, повышая и развивая лозунги по мере роста движения.

4. Все усилия приложить для того, чтобы добиться единодушия на основе большевистской линии в таких организациях, как Прага, Кладно, Брюнн и т. д.

5. Несравненно больше внимания движению молодежи.

6. Более смелая революционная постановка национального и крестьянского вопросов и больше внимания организационной работе в этой области.

7. Особое внимание созданию партийных кадров с должной ленинской закалкой.

Е) *Италия.* 1. Еще более расширить агитационное воздействие партии на самые широкие слои трудящихся, прорывая рамки созданного фашизмом подполья.

2. Научиться вести систематические политические кампании более планомерно.

3. Проникнуть гораздо глубже в профсоюзы и развить борьбу за единство, вопреки провокации реформистов, начавших исключать членов коммунистической партии.

4. Начать систематическую работу по созданию, укреплению и завоеванию фабзавкомов.

5. Не ограничиваться лозунгом крестьянских комитетов, но через рабочих и передовиков-крестьян на деле проникнуть во что бы то ни стало в деревню.

6. Больше внимания вопросам марксистской идеологии.

7. Бороться против всех идеологических уклонов, против доктринерской теоретической позиции Бордиги и против реформизма экономических теорий Грациади.

Ж) *Польша.* 1. Несмотря на неслыханно тяжелые условия террора и провокации, глубже проникнуть в профсоюзы и развить кампанию за единство профдвижения.

2. Смело и решительно выправить раз и навсегда линию по национальному и крестьянскому вопросам в духе подлинного ленинизма.

3. Обратить самое пристальное внимание на необходимость внести элементы революционной организованности во все более развивающееся крестьянское движение.

4. Больше внимания делу создания единой централизованной партии из различных национальных частей на основе правильной национальной политики.

Эта же задача встает для целого ряда стран, как, например, Чехо-Словакия, Югославия и др.

З) *Америка.* 1. Более интенсивная работа в профсоюзах и организационное оформление нашего влияния на них (коммунистические фракции).

2. Слияние всех национальных групп партии в действительно единую партию.

3. Больше внимания делу организации туземных рабочих.

4. Больше внимания агитации на почве повседневных злоб для рабочей жизни (применение тактики единого фронта).

И) *Балканы.* 1. Освещение с точки зрения ленинизма крестьянского и национального вопроса и его конкретной формы на Балканах, а также роли империализма в балканских странах.

2. Использование опыта крестьянских и национальных движений на Балканах с целью установления правильного отношения к крестьянским и национальным организациям.

3. Борьба за преодоление коммунистическими партиями и классовыми организациями пролетариата условий подполья и установления связи между легальными и нелегальными формами работы.

4. Повышение активности партии в деле борьбы за злободневные требования масс.

5. Укрепление коммунистических партий в обстановке подполья. Увеличение их рабочего состава и формирование единых и энергичных центральных комитетов. Большая централизация и соблюдение строжайшей партийной дисциплины.

6. Усиление влияния партии в профсоюзах и кооперативах; борьба за единство профдвижения.

7. Изживание фракционной борьбы путем установления коммунистическими партиями в согласии с Коминтерном правильной политической линии и путем планомерного политического просвещения партийных масс (Югославия).

8. Координирование действий коммунистических партий путем укрепления Коммунистической Балканской Федерации.

22. Большевизация и антимонархическая агитация.

Ошибочным является отказ от антимонархической агитации на том основании, что под эгидой монархии на деле правит буржуазия. Коммунисты должны выставлять лозунг «долой монархию» и в Англии, и в Италии, и в балканских странах, и т. п., а также в Германии коммунисты должны уметь связывать свою антимонархическую агитацию с повседневной экономической и политической борьбой. Большевизм заключается не в том, чтобы отказаться от республиканско-демократической агитации против монархии, а в том, чтобы суметь связывать эту агитацию с социалистическими требованиями, уметь помогать перерастанию революционно-демократических движений в социалистические.

23. Количественное увеличение коммунистических партий. Нелегальные партии.

В ряде стран, — *Франция, Германия, Англия, Чехо-Словакия, Италия, Швеция, Норвегия, Голландия, Америка,* — коммунистические партии работают теперь в такой обстановке, что вполне могли бы и *должны были бы* значительно увеличить число своих членов. Такое количественное увеличение (его значение иногда недооценивается партийными руководителями) не только не помешало бы задаче большевизации этих партий, а содействовало бы ей.

Партии, вынужденные работать в обстановке подполья, должны всемерно стараться тщательно использовать всякую легальную возможность распространения и усиления своего организационного влияния на самые широкие слои пролетариата и крестьянства. Хотя конституционные иллюзии, т.-е. иллюзии насчет того, что допущение буржуазией легальной деятельности делает излишним существование нелегальной организации, весьма вредны, нелегальные партии все же должны использовать даже каждую преходящую возможность, чтобы об'единять сощувствующих рабочих в любых, хотя бы и самых расплывчатых организациях и обеспечивать партии легальные формы агитационной и пропагандистской работы.

Часть VI.

Большевизация и организационные вопросы.

24. Большевизация и организационные вопросы.

Важнейшая предпосылка большевизации — это правильная большевистская политика, ведущая к завоеванию масс. Без правильной большевистской политики, обеспечивающей прежде всего правильное взаимоотношение между партией и всем классом, между партией и беспартийными рабочими, никакая организационная форма не приведет к цели. Но и самая превосходная коммунистическая политика не станет достоянием членов партии, а через них пролетарских масс, если в распоряжении партии не будет стройной, хорошо налаженной и гибкой парторганизации. Ленинизм выработал на основе революционного опыта целую систему взглядов и по организационным вопросам, имеющим большое значение для большевизации партий.

Главной и основной формой организации всякой большевистской партии является *производственная парт'ячейка*. Старый принцип организации, заимствованный от социал-демократии, когда партия строится на основе избирательных округов, применительно к парламентским выборам, неприемлем для коммунистов. Подлинная большевистская партия невозможна, если организация в основе своей не покоится на фабрично-заводских ячейках.

Рядом с фабрично-заводскими парт'ячейками и работой в таких организациях, как профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы и пр., можно и должно прибегнуть к созданию целого ряда вспомогательных беспартийных организаций: квартиронанимателей, безработных, бывших участников войны и т. п. (с коммунистическими ячейками в них). Большевизация требует того, чтобы наши партии пользовались всяким случаем сделать организационную сеть рабочих возможно более густой и разнообразной. Следует пользоваться каждой большой злобой дня, чтобы вызвать к жизни ту или другую вспомогательную, мало оформленную, «свободную» организацию, если она только будет жизненна.

Инициатива создания подобного рода организаций должна исходить от руководящих органов партии и проводиться через членов партии, которые должны взять в свои руки руководство такими организациями и создавать в них коммунистические фракции, работающие по директивам парторганов.

Начатую кампанию по реорганизации наших партий на основе партийных фабрично-заводских ячеек следует энергично продолжать и закончить в возможно более короткий срок. При этом надо иметь в виду, что сама по себе эта реорганизация не означает еще всю большевизацию. Это только часть ее. И еще более следует помнить, что, сорганизовавши фабрично-заводские ячейки, мы только приступили к делу, ибо партия должна позаботиться еще о том, чтобы вдохнуть политическую жизнь в эту ячейку, обеспечить ячейку подготовленными руководителями, которых надо прежде всего вырабатывать на фабриках и заводах, научить ячейку вести свою работу так, чтобы она могла завоевывать все более и более влияние на массы на фабрике, заводе, в мастерской и т. д.

Руководящие партийные органы должны уделять особое внимание работе ячеек, установить тесный контакт с ними, инструктировать их, подготовлять и рассылать для них материалы и привлекать их к обсуждению и разрешению всех политических, экономических и внутрипартийных вопросов.

25. Большевизация и резолюции Коминтерна по организационным вопросам.

Резолюция третьего всемирного конгресса по организационным вопросам далеко не проведена еще в жизнь. Одним из важнейших пунктов ее является пункт о необходимости поставить всю работу так, чтобы *каждый* рядовой член партии имел определенную обязанность работы для партии, и чтобы весь партийный механизм постепенно втягивал в свою работу возможно более широкие круги рядовых коммунистов. Расширенный Исполком Коминтерна еще раз напоминает в особенности этот пункт резолюции и полагает, что проведение его в жизнь есть одна из предпосылок большевизации.

Расширенный Исполком обращает внимание коммунистических партий на резолюции, принятые V всемирным конгрессом по организационному вопросу. Он утверждает также резолюцию, принятую оргсовещанием секций Коминтерна, и предлагает полностью провести их в жизнь.

26. Большевизация и проблема партийных кадров.

Чтобы создать большевистскую партию, надо суметь в течение годов выковать достаточно сильные партийные кадры. Кадры эти создаются не только путем организованных выборов, но, главным образом, путем *отбора* на живой работе. Процесс отбора этих кадров требует длительного времени. Отбор этот, начиная с первичной фабрично-заводской ячейки и кончая ЦК партии, может совершаться только длительным испытанием в борьбе. Одна из важнейших задач каждой компартии должна заключаться в том, чтобы самым внимательным образом отбирать руководящие кадры из числа передовых рабочих, выдвигающихся своей энергией, значением, умелостью, преданностью партии. Коммунистические кадры рабочих-организаторов должны воспитываться в той мысли, что они занимаются подготовкой революции не «между прочим», что они целиком отдаются революционной борьбе и полностью находятся в распоряжении партии. Коммунистический организатор-кадровик не должен быть похожим на с.-д. «ответственного работника»-чиновника. Коммунистический организатор должен жить и работать среди масс — на фабрике, заводе, шахте, — будучи готов всегда быть переброшенным партией туда, где этого требуют интересы дела. Этим рабочим надо систематически помогать стать действитель-

ными организаторами рабочих масс, партийными и профессиональными руководителями.

Значение авангарда огромно. Но само собою разумеется, что только тот авангард и те партийные кадры могут выполнить свое историческое назначение, которые умеют не на словах, а на деле связать себя с широкими беспартийными массами. Забыть об этом и замкнуться в себе значит перестать быть авангардом.

Необходимо добиться того, чтобы руководящие учреждения партии больше и больше орабочивались. Необходимо внимательное, бережное отношение к рабочим вождям, помощь им, обеспечение для них возможности работать над самими собой, проверки самих себя на все более и более крупной работе.

27. Большевизация, внутрипартийная демократия и дисциплина.

Большевистская партия рассматривает внутрипартийную демократию не с точки зрения абстрактного «принципа». Она ставит вопрос конкретно. Эстонская или болгарская компартии, например, не могут в настоящий момент применять внутрипартийную демократию так, как это могут сделать, скажем, французская или английская компартия. Германская компартия не может во всем поступать так же, как РКП (б.), напр., в вопросе партийной чистки и условиях приема в партию и т. д. Формы внутрипартийной организации должны подчиняться коренным интересам борьбы за пролетарскую диктатуру. Но при всех условиях коммунистическая партия должна сохранить известную свободу внутрипартийной критики, дух равенства членов партии между собой, внимание высших органов к нижестоящим ячейкам, выборность и т. д. Это соответствует интересам активизации всей партийной массы, привлечения всех низовых органов, всех ячеек к сотрудничеству в политической и организационной жизни партии, равно как способствует пробуждению инициативы рабочих в партии.

Железная пролетарская дисциплина есть одна из важнейших предпосылок большевизации. Партии, пишущие на своем знамени «диктатура пролетариата», должны понять, что не может быть и речи о победоносной пролетарской диктатуре без железной дисциплины партии, — той дисциплины, которая воспитывается годами и десятилетиями. Для большевиков дело идет не о повторении шаблонных с.-д. фраз о пользе дисциплины вообще, а о том, чтобы понять,

что вести гражданскую войну, завоевать политическую власть, удержать и упрочить пролетарскую диктатуру без самой суровой внутренней дисциплины, основанной на идейном единстве, невозможно, что без такой дисциплины гражданская война заранее проиграна.

28. Большевизация и партаппарат.

Централизованная, крепко сплоченная, хорошо организованная большевистская партия невозможна без соответствующего партаппарата.

В настоящее время некоторые секции Коминтерна имеют партаппарат непомерно громоздкий, непропорционально большой, и потому зачастую бюрократический. Другие — почти совсем не имеют партаппарата.

Расширенный ИККИ поручает Президиуму совместно с оргбюро и представителями соответствующих партий обдумать ряд мер, направленных к тому, чтобы каждая из партий Коминтерна смогла создать для себя такой аппарат, который будет соответствовать интересам ее работы.

29. Большевизация и самокритика.

Борьба против того, что т. Ленин называл «комчванством», против самодовольства и самомнения в рядах коммунистов, является одной из важнейших предпосылок большевизации. Здоровая самокритика в собственных рядах, продиктованная заботой об интересах пролетарской революции, борьба против переоценки наших сил и успехов (но и против малодушного брюзжания), реалистический и трезвый учет сил противника, — вне этого нет действительной большевизации.

30. Планомерность работы и проверка исполнения.

Во всех тех странах, где работа компартий протекает в сколько-нибудь нормальной обстановке, необходимо вырабатывать общий план работы на полгода, на год и т. п., с тем, чтобы научиться концентрировать силы партии на главном и основном.

Наблюдается ряд случаев, когда центральные и местные организации принимают много совершенно правильных решений, но не умеют добиться выполнения их на деле. Проверка исполнения принятых решений должна войти в фактический обиход всех наших

организаций. Лучше принимать меньше решений, но во что бы то ни стало добиться их реального проведения в жизнь. Лучше меньше, да лучше.

Часть VII.

Большевизация и интернациональное руководство.

Создание единой мировой компартии, построенной на началах демократического централизма, требует серьезных усилий со стороны всех секций, входящих в Коминтерн. Большевизация несовместима с сепаратистскими и федералистскими уклонами. Мировая партия ленинизма должна быть спаяна не механической дисциплиной, а единством партийной воли и партийного действия. Необходимо во что бы то ни стало изжить настроения обособленности, группового сектантства и кружковой психологии. Каждая из партий Коминтерна должна отдавать делу международного руководства лучшие свои силы. Необходимо внедрить в сознание самых широких масс, что в переживаемую нами эпоху серьезные экономические и политические бои рабочего класса могут быть выиграны только в том случае, если они во всем основном руководятся из одного центра в международном масштабе.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

О роли коммунистической партии в пролетарской революции [1]).

Резолюция II Конгресса Коммунистического Интернационала.

(Принята единогласно).

Мировой пролетариат стоит накануне решительных битв. Мы переживаем эпоху непосредственных гражданских войн. Близок решительный час. Во всех почти странах, где имеется значительное рабочее движение, рабочему классу предстоит в ближайшем будущем ряд ожесточенных схваток с оружием в руках.

Теперь более, чем когда-либо, рабочий класс нуждается в сплоченной организации. Рабочий класс должен неустанно готовиться к предстоящей решительной борьбе, не теряя ни единого часа из оставшегося драгоценного времени.

Если бы во время Парижской Коммуны (1871 г.) рабочий класс имел сплоченную, хотя бы и небольшую, коммунистическую партию, то первое героическое восстание французского пролетариата было бы гораздо сильнее, и тысячи ошибок и слабостей были бы избегнуты.

Борьба, которая предстоит пролетариату теперь, при изменившейся исторической обстановке, окажет гораздо большее влияние на исторические судьбы рабочего класса, чем в 1871 году. Исходя из этого, II мировой конгресс Коммунистического Интернационала призывает революционных рабочих всего мира обратить свое внимание на следующее:

1. Коммунистическая партия есть *часть* рабочего класса. Именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Комму-

[1]) Резолюция эта написана т. Зиновьевым.

нистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата.

2. До тех пор, пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации, — до этих пор коммунистическая партия, по правилу, будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным идейно-политическим влиянием на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно об'единять их в своих рядах. Лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и пр., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех, — в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие.

3. Понятие партии следует строжайше отличать от понятия класса. Члены «христианских» и либеральных профессиональных союзов рабочих Германии, Англии и других стран, несомненно, являются частью рабочего класса. Более или менее значительные круги рабочих, которые еще стоят за Шейдеманами, Гомперсами и К°, несомненно, являются частью рабочего класса. При определенных исторических данных в рабочем классе возможны весьма многочисленные реакционные прослойки. Задача коммунизма не в том, чтобы приспособиться к этим отсталым частям рабочего класса, а в том, чтобы поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда. Смешение этих двух понятий — партии и класса — способно привести к величайшим ошибкам и путанице. Так, например, ясно, что вопреки настроению или предрассудкам известной части рабочих масс во время империалистической войны рабочая партия должна была во что бы то ни стало выступить против этих настроений или предрассудков, отстаивая исторические интересы пролетариата, которые требовали со стороны пролетарской партии об'явления войны войне.

Так, например, в начале империалистской войны, в 1914 году, социал-предательские партии всех стран, поддерживая буржуазию «своей» страны, неизменно ссылались на то, что такова воля рабочего класса. И они при этом забывали, что, если бы это даже было так, задачей пролетарской партии при таком положении было бы выступить против настроения большинства рабочих и отстаивать исторические интересы пролетариата, несмотря ни на что. Так, на рубеже XX века русские меньшевики того времени (так-называемые «экономисты») отвергли открытую политическую борьбу против царизма на том основании, что, будто бы, рабочий класс в целом еще не дорос до понимания политической борьбы.

Таким же образом в Германии правые независимцы ссылаются при всех своих половинчатых шагах на желание масс, не понимая, что партия именно для того и существует, чтобы итти вперед масс и указывать массам путь.

4. Коммунистический Интернационал непоколебимо убежден в том, что крах старых «социал-демократических» партий II Интернационала ни в коем случае нельзя изображать как крах пролетарской партийности вообще. Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата родит новую партию пролетариата — коммунистическую партию.

5. Коммунистический Интернационал самым решительным образом отвергает тот взгляд, будто пролетариат может совершить свою революцию, не имея своей самостоятельной политической партии. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Цель этой борьбы, неизбежно превращающейся в гражданскую войну, есть завоевание политической власти. Однако, политическая власть не может быть взята в руки, организована и направлена иначе, как той или другой политической партией. Только в том случае, если у пролетариата имеется в виде руководителя организованная и испытанная партия со строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики, завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата.

Та же классовая борьба требует об'единения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (професс. союзы, кооперативы, ф-з. к-ты, культурно-просветительная работа, выборы и т. п.) Таким общим, об'единяющим и руководящим центром может быть только политическая партия. Отказ от ее создания и укрепления и от подчинения ей обозначает

отказ от единства в руководстве отдельными боевыми отрядами пролетариата, действующими на различных аренах борьбы. Наконец, классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы с единой точки зрения и сосредоточивающей внимание пролетариата в каждый данный момент на определенных, общих для всего класса задачах. Это не может быть выполнено без центрального политического аппарата, т.-е. вне политической партии. Поэтому пропаганда революционных синдикалистов и сторонников индустриальных рабочих мира против необходимости самостоятельной рабочей партии об'ективно помогала и помогает только буржуазии и контр-революционным «социал-демократам». В своей пропаганде против коммунистической партии, которую синдикалисты и индустриалисты хотят заменить одними профессиональными союзами или какими-то бесформенными «всеобщими» рабочими союзами, синдикалисты и индустриалисты соприкасаются с заведомыми оппортунистами; русские меньшевики после поражения революции 1905 года в течение нескольких лет проповедывали так-называемый рабочий с'езд, который должен был заменить революционную партию рабочего класса; всевозможные желтые «лабуристы» в Англии и Америке, проводя на деле заведомо буржуазную политику, проповедуют рабочим создание бесформенных рабочих союзов или расплывчатых исключительно парламентских об'единений, вместо истинно-политической партии. Революционные синдикалисты и индустриалисты хотят бороться против диктатуры буржуазии и не знают, как это делать. Они не замечают, что рабочий класс без самостоятельной политической партии — это туловище без головы.

Революционный синдикалист и индустриалист представляют собою шаг вперед лишь по сравнению со старой затхлой, контр-революционной идеологией II Интернационала. Но по сравнению с революционным марксизмом, т.-е. с коммунизмом, синдикализм и индустриализм представляют шаг назад. Заявление «левых» коммунистов Германии (сделанное ими в программной декларации их апрельского учредительного с'езда) о том, что они создают партию, «но не партию в обычном традиционном смысле этого слова» («keine Partei im überlieferten Sinne»), есть идейная капитуляция перед теми взглядами синдикализма и индустриализма, которые являются реакционными взглядами.

Рабочий класс не может одержать полной победы над буржуазией, пользуясь только всеобщей забастовкой и тактикой «скрещенных рук». Пролетариат должен прибегнуть к вооруженному

восстанию. Кто это понял, тот должен также понять, что отсюда неизбежно вытекает необходимость организованной политической партии, и что бесформенные рабочие союзы для этой цели недостаточны.

Революционные синдикалисты часто говорят о крупном значении решительного революционного меньшинства. Но, в действительности, решительное революционное меньшинство рабочего класса, коммунистическое меньшинство, желающее действовать, имеющее программу, ставящее себе задачей организацию масс, — такое меньшинство и будет коммунистической партией.

6. Важнейшая задача истинно-коммунистической партии состоит в том, чтобы быть в тесной связи с самыми широкими кругами пролетариата.

Чтобы достигнуть этого, коммунисты должны работать и в таких об'единениях, которые хотя не являются партийными, но охватывают широкие рабочие массы, как, например, организации инвалидов в разных странах, комитеты «Руки прочь от России» в Англии, союзы пролетарских квартиронанимателей и т. д. Особенно важен пример русских так-называемых беспартийных конференций рабочих и крестьян. Подобные конференции созываются почти в каждом городе, в каждом рабочем квартале и в каждой деревне. В выборах на эти конференции принимают участие самые широкие круги наиболее отсталых рабочих масс. На этих конференциях обсуждаются самые жгучие вопросы, как-то: продовольственный, жилищный, вопросы просвещения, военное положение, политические задачи дня, и т. д. Коммунисты стремятся всеми силами проводить свое влияние на этих «беспартийных» конференциях и делают это весьма успешно для партии.

Коммунисты считают своей важнейшей задачей систематическую организационно-воспитательную работу внутри этих широких организаций. Но как-раз для того, чтобы с успехом выполнять эту работу, чтобы воспрепятствовать врагам революционного пролетариата овладеть этими широкими рабочими организациями, сознательные коммунистические рабочие должны образовать свою собственную самостоятельную дисциплинированную коммунистическую партию, которая выступает организованно и которая способна при всяком повороте событий и при всяких формах движения защищать общие интересы коммунизма.

7. Коммунисты отнюдь не чураются массовых непартийных рабочих организаций и при некоторых обстоятельствах даже тогда, когда они носят явно-реакционный, черносотенный характер (желтые союзы, христианские союзы и т. д.). Но коммунистическая пар-

тия внутри этих организаций постоянно ведет свою работу и неустанно доказывает рабочим, что идея беспартийности, как принципа, сознательно культивируется среди рабочих буржуазией и ее прихвостнями для того, чтобы отвлечь пролетариев от организованной борьбы за социализм.

8. Старое, «классическое» деление рабочего движения на три формы (партия, профессиональные союзы и кооперативы) явно отжило свой век. Пролетарская революция в России выдвинула основную форму рабочей диктатуры — Советы. В ближайшем будущем установятся следующие деления: 1) партия, 2) Советы и 3) производственные союзы. Но и работой в Советах, как и в революционизированных производственных союзах, должна неизменно и систематически руководить партия пролетариата, т.-е. коммунистическая партия. Организованный авангард рабочего класса — коммунистическая партия — одинаково обслуживает интересы и экономической, и политической, и культурно-просветительной борьбы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия должна являться душой и производственных союзов, и Советов Рабочих Депутатов, и всех иных форм пролетарской организации.

Возникновение Советов, как главной исторически-данной формы диктатуры пролетариата, нисколько не умаляет руководящей роли коммунистической партии в пролетарской революции. Когда германские «левые» коммунисты (см. обращение их партии к германскому пролетариату: «Германскому пролетариату» от 14-го апреля 1920 года за подписью «Коммунистическая Рабочая партия Германии») заявляют, что «и партия должна все больше приспособляться к идее Советов и принимать пролетарский характер», «dass auch die Partei sich *immer mehr* dem *Rätegedanken anpasst* und proletarischen Charakter annimmt» («Kommunistiche Arbeiterzeitung», № 54), то это есть обычное выражение той идеи, что коммунистическая партия, будто бы, должна *раствориться* в Советах, что Советы, якобы, могут *заменить* коммунистическую партию.

Идея эта глубоко неверна и реакционна.

В истории русской революции мы видели целую полосу, когда Советы шли против пролетарской партии и поддерживали политику агентов буржуазии. То же наблюдалось и в Германии. Это же возможно и в других странах.

Для того, чтобы Советы могли выполнить свою историческую миссию, напротив, необходимо существование настолько сильной коммунистической партии, чтобы она могла не просто «приспособляться» к Советам, а в состоянии была бы *решающим образом*

воздействовать на их политику, заставить их самих отказаться от «приспособления» к буржуазии и белой социал-демократии, суметь через коммунистические фракции Советов *вести* Советы *за* коммунистической партией.

Кто предлагает коммунистической партии «приспособляться» к Советам, кто видит в таком приспособлении усиление «пролетарского характера» партии, тот оказывает медвежью услугу и партии, и Советам; тот не понимает ни значения партии, ни значения Советов. «Советская идея» победит тем скорее, чем более сильную коммунистическую партию мы сумеем создать в каждой стране. «Советскую идею» теперь признают на словах и многие «независимые» социалисты и даже правые социалисты. Но позволить этим элементам извратить советскую идею можно только в том случае, если мы будем иметь сильную коммунистическую партию, способную определять политику Советов и вести их за собою.

9. Коммунистическая партия нужна рабочему классу не только *до* завоевания власти и не только во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса. История Российской Коммунистической Партии, три года стоящей у власти в промадной стране, показывает, что роль коммунистической партии после завоевания власти рабочим классом не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла.

10. На другой день после захвата власти пролетариатом партия его все-таки попрежнему остается только частью рабочего класса. Но это есть именно та часть рабочего класса, которая организовала победу. Коммунистическая партия в течение двух десятилетий, как мы это видели в России, — в течение ряда лет, как мы это видим в Германии, — борьбе не только с буржуазией, но и с теми «социалистами», которые являются проводниками буржуазных влияний на пролетариат, впитывала в свои ряды наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса. Только при наличности такой сплоченной организации лучшей части рабочего класса возможно преодолеть все трудности, которые становятся перед рабочей диктатурой на завтра после победы. Организация новой, пролетарской Красной армии, фактическое уничтожение буржуазного государственного аппарата, борьба против цеховых стремлений отдельных групп рабочих, борьба против местного и областного «патриотизма», прокладывание путей в области создания новой, трудовой дисциплины — во всех этих областях решающее слово принадлежит партии коммунистов, члены которой своим живым примером ведут за собой большинство рабочего класса.

11. Необходимость политической партии пролетариата отпадает лишь вместе с полным уничтожением классов. На пути к этой окончательной победе коммунизма возможно, что удельный вес трех основных пролетарских организаций современности (партия, Советы и производственные союзы) будет изменяться, и что постепенно выкристаллизируется единый тип рабочей организации. Но коммунистическая партия растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть об'ектом борьбы, и весь рабочий класс станет коммунистическим.

12. Второй конгресс Коммунистического Интернационала должен не только подтвердить историческую миссию коммунистической партии вообще, но должен указать международному пролетариату, хотя бы в основных чертах, какая именно коммунистическая партия нужна нам.

13. Коммунистический Интернационал полагает, что в особенности в эпоху диктатуры пролетариата коммунистическая партия должна быть построена на основе железного пролетарского централизма. Для того, чтобы успешно руководить рабочим классом в надвинувшейся долгой и упорной гражданской войне, коммунистическая партия сама должна внутри своих рядов создать железный военный порядок. Опыт Российской Коммунистической Партии, успешно руководящей гражданской войной рабочего класса в течение трех лет, показал, что без строжайшей дисциплины, законченного централизма и полнейшего доверия всех организаций партии к руководящему партийному центру победа рабочих невозможна.

14. Коммунистическая партия должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителем партийной жизни от с'езда до с'езда.

15. Целый ряд коммунистических партий Европы и Америки, в виду осадного положения, введенного буржуазией против коммунистов, вынужден существовать нелегально. Необходимо напомнить, что при таком положении вещей иногда приходится отступать от строгого проведения принципа выборности и предоставлять руководящим партийным органам право кооптации, как это было в свое время в России. При фактическом осадном положении коммунистическая партия не только не может прибегнуть по каждому серьезному вопросу к демократическому референдуму среди всех членов

партии (предложение части американских коммунистов), но, напротив, должна предоставить возможность своему руководящему центру в нужный момент быстро принимать важные решения для всех членов партии.

16. Проповедь широкой «автономии» для отдельных местных организаций партии в настоящее время только ослабляет ряды коммунистической партии, подрывает ее дееспособность и потворствует мелкобуржуазным, анархическим, центробежным тенденциям.

17. В тех странах, где у власти стоит еще буржуазия или контр-революционная социал-демократия, коммунистические партии должны научиться планомерно сочетать легальную работу с нелегальной, при этом легальная работа должна всегда находиться под фактическим контролем нелегальной партии. Парламентские фракции коммунистов, как центральных, так и местных государственных учреждений, должны быть целиком и абсолютно подчинены коммунистической партии в целом, независимо от того, является ли партия в целом в данное время легальной или нелегальной организацией. Те депутаты, которые в той или другой форме отказываются подчиниться партии, должны быть изгнаны из рядов коммунистов.

Легальная печать (газеты, издательства) должна быть безусловно и целиком подчинена партии в целом и ее Центральному Комитету. Никакие уступки в этом отношении не допустимы.

18. Основным началом во всей организационной работе партии коммунистов должно быть создание коммунистических ячеек всюду, где есть хотя бы небольшое число пролетариев и полупролетариев. В каждом Совете Рабочих Депутатов, в каждом профессиональном союзе, в каждом кооперативе, в любой мастерской, в каждом домовом комитете, в каждом государственном учреждении, всюду, где найдется хотя бы три человека, сочувствующих коммунизму, следует немедленно организовать коммунистическую ячейку. Только организованность коммунистов и дает возможность авангарду рабочего класса вести за собой весь рабочий класс. Все ячейки коммунистов, действующих в беспартийных организациях, безусловно подчиняются партийной организации в целом, независимо от того, работает ли партия в данное время легально или нелегально. Коммунистические ячейки всех видов должны быть соподчинены друг-другу в строгом иерархическом порядке и в возможно более точной системе.

19. Коммунистическая партия почти всюду зарождается, как партия *городская*, как партия промышленных рабочих, живущих, главным образом, в городах. Для возможно более легкой и быстрой

победы рабочего класса необходимо, чтобы коммунистическая партия становилась не только партией городов, но и деревень. Коммунистическая партия должна вести свою пропаганду и организацию среди сельскохозяйственных батраков, мелких и средних крестьян. Коммунистическая партия с особой тщательностью должна добиваться организации коммунистических ячеек в деревне.

* * *

Международная организация пролетариата может быть крепка лишь в том случае, если во всех странах, где живут и борются коммунисты, утвердится вышеизложенный взгляд на роль коммунистической партии. Коммунистический Интернационал приглашает на свои конгрессы каждый профессиональный союз, признающий принципы III Интернационала и готовый порвать с желтым Интернационалом. Коммунистический Интернационал сорганизует при себе международную секцию красных профессиональных союзов, стоящих на почве коммунизма. Коммунистический Интернационал не откажется от сотрудничества с каждой беспартийной рабочей организацией, если она пожелает вести серьезную революционную борьбу против буржуазии. Но Коммунистический Интернационал при этом всегда будет указывать пролетариям всего мира на следующее:

1. Коммунистическая партия есть главное орудие освобождения рабочего класса. В каждой стране у нас теперь должны быть уже не группы и течения, а коммунистическая партия.

2. В каждой стране должна существовать только одна единая коммунистическая партия.

3. Коммунистическая партия должна быть построена на принципе строжайшей централизации и в эпоху гражданской войны должна установить внутри своих рядов военную дисциплину.

4. Всюду, где есть хотя бы десять пролетариев или полупролетариев, коммунистическая партия должна иметь свою организационную ячейку.

5. В каждом непартийном учреждении должна существовать партийная коммунистическая ячейка, строжайше подчиненная партии в целом.

6. Твердо, беззаветно охраняя программу и революционную тактику коммунизма, коммунистическая партия должна всегда быть теснейшим образом связана с широкими рабочими организациями и чуждаться сектантства в такой же мере, как и беспринципности.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. Международные перспективы и большевизация компартий. Доклад на пленуме ИККИ 25 марта 1925 г. 3

2. О „стабилизации“ капитализма и мировой революции. Заключительное слово на пленуме ИККИ 4 апреля 1925 г. 53

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Тезисы о большевизации компартий, принятые на пленуме ИККИ в апреле 1925 г. 72

2. Резолюция II конгресса Коммунистического Интернационала о роли коммунистической партии в пролетарской революции 102

Библиотека
Института В. И. Ленина

2 р.

60 коп.